

звономъ колоколовъ, оповѣщавшихъ еще спавшій городъ объ утренней заукойной молитвѣ.

II.

Крестьянинъ-вѣдунъ.

Недалеко отъ Кракова жилъ въ то время на Прондникѣ давно поселившійся тамъ крестьянинъ Алексѣй. Сосѣди, въ просторѣчьи, называли его просто Лексой и дали ему прозвище Вѣдуна. Такія прозвища были въ обычаѣ въ то время и слово «вѣдунъ» обозначало, что Алексѣй былъ всевѣдающій человѣкъ, котораго не легко провести, а тѣмъ больше обмануть. Это былъ зажиточный человѣкъ, но не считалъ себя, какъ другіе, землевладѣльцемъ, а, напротивъ, съ гордостью говорилъ каждому, что онъ былъ и есть отъ праѣдовъ простой крестьянинъ. И онъ держалъ себя, именно, какъ слѣдовало крестьянину, чтобы никто не могъ въ немъ ошибиться. Поэтому у него и шапка была крестьянскаго покроя, и суконный кафтанъ, какіе носили крестьяне, и посохъ съ обушкомъ, вмѣсто оружія: словомъ, все крестьянское. Хотя бѣднѣйшіе изъ крестьянъ низенько кланялись ему, а деревенскіе судьи и старшины называли его своимъ братомъ, но у Вѣдуна была такая натура, что онъ охотнѣе велъ дружбу съ маленькими людьми, чѣмъ съ начальствомъ, защищалъ ихъ, называлъ своими и не терпѣлъ тѣхъ людей, которые обижали ихъ. Вся фигура его была далеко не презентабельна и немногое общала. Онъ былъ крѣпкій, довольно толстый, съ обыкновенными чертами загорѣлаго и сморщенного лица; но, при всей своей неказистости, въ глазахъ его было что-то умное, за что каждый уважалъ его. Вѣдунъ, прозванный такъ за его всезнайство, никогда и ничему не учился и всю свою мудрость почерпалъ, какъ онъ самъ говорилъ, въ лѣсу, а въ сущности бралъ ее у тѣхъ людей, къ которымъ она переходила по наслѣдству отъ дѣдовъ и праѣдовъ. Никто лучше его не зналъ всѣхъ старинныхъ обычаевъ, преданій, пѣсень, повѣрій и народныхъ дѣяній, которыя, не будучи писанными, переходили изъ поколѣнія въ поколѣвіе. Если у кого являлось

каков-либо сомнѣніе, то онъ обязательно шелъ къ Вѣдуну, и что тотъ сказалъ, то было свято, и никто ужъ не спорилъ. Въ его хатѣ выглядѣло все, какъ у достаточнаго крестьянина, но онъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы въ ней ничего не являлось некрестьянскаго. Даже самая его изба не доказывала ничѣмъ, что въ ней живетъ зажиточный человѣкъ. Лекса всегда говорилъ, что звѣря бьютъ изъ-за его красивой и теплой шкуры, а кто уменъ, тотъ не долженъ хвастаться тѣмъ, что у него есть. Онъ никогда не скидывалъ съ себя своего стараго съ заплатами зипуна, кромѣ большихъ праздниковъ, и то когда шелъ въ церковь. Его жену, немолодую ужъ женщину, но такую же умную, какъ и онъ самъ, хотя и слѣдовало звать Марьей, но въ дѣвушкахъ ее называли Марухой, а подъ старость, вслѣдствіе того, что она сдѣлалась ворчливой, вздорной, а въ то же время изворотливой хозяйкой, ее прозвали Ворчуньей. Вѣдунъ постоянно спорилъ съ ней и ссорился; тѣмъ не менѣе они любили другъ друга и, казалось, не могли жить одинъ безъ другого.

Въ молодости супруговъ Господь прежде всего наградилъ сыномъ, котораго священникъ назвалъ при крещеніи Мартиномъ, такъ какъ онъ родился осенью. Въ дѣтствѣ его называли Тинкой, а потомъ, когда онъ выросъ, сдѣлался красивъ и статенъ, далеко не въ отца, его прозвали почему-то Тюрой: такъ это прозвище и осталось за нимъ. Потомъ у нихъ родилась дочь, очень миленькая, но невысокаго роста дѣвушка, надъ чѣмъ мать очень сокрушалась. Ее звали Богной; но по деревнямъ, даже въ шляхетскихъ семьяхъ, всегда настоящее имя замѣняли какимъ-либо выдуманнѣмъ, а потому и ее прозвали Влестушкой.

Такъ какъ у Вѣдуна хозяйство было значительное и онъ съ сыномъ не могъ справиться, хотя они работали съ утра до ночи, онъ держалъ еще работника, котораго, кажется, купилъ у какого-то жида; но онъ обращался съ нимъ не какъ съ невольникомъ, а какъ съ вольнымъ человѣкомъ, хотя въ то время вообще было много рабовъ, которые попадали въ плѣнъ или шли за долги въ неволю. Этотъ чудакъ всегда говорилъ, что какъ быкъ быка не можетъ покупать, такъ человѣкъ человѣка. Поэтому онъ кормилъ его, какъ на убой, но

не давалъ отдыха. У него были на все свои поговорки, и когда дѣло касалось работы, то онъ говорилъ:

— Если ѣсть хочешь, то долженъ работать; а когда пройдетъ аппетитъ, то можешь отдохнуть.

Этими поговорками прославился Вѣдунъ, и у него былъ языкъ настолько смѣлый, что онъ свободно отвѣтилъ бы то же самое ксендзу, кастеляну или воеводѣ, что и послѣднему мужику. А когда его спрашивали, боится ли онъ кого-нибудь, то онъ смѣло отвѣчалъ:

— Разумѣется—Бога!

Неудивительно, что солдаты идутъ въ битву не моргнувъ глазомъ и не боясь смерти; но вѣдь они на то и солдаты; а Вѣдунъ, хотя и не былъ солдатомъ, а все-таки не боялся ни ея, ни какой другой опасности.

Всякая его развязность и неумѣстная смѣлость, какъ-то удачно сходила ему съ рукъ, если не считать того, что его иногда таскали по судамъ и запирали въ колодеи; но онъ всегда обходился безъ всякихъ защитниковъ и адвокатовъ.

Вѣдунъ сидѣлъ на нѣсколькихъ ланахъ земли, которая, какъ онъ доказывалъ, съ прадѣдовъ принадлежала его роду; но нѣкто Топорчикъ Неорза, бывший сандомирскимъ воеводой и имѣвшій свои земли по сосѣдству, говорилъ, что эти ланы принадлежатъ ему и что на нихъ былъ пущенъ кметъ, то есть вольный крестьянинъ, который долженъ былъ платить за нихъ и отбывать нѣкоторую барщину разными услугами.

Все это, вмѣстѣ взятое, должно быть немного составляло для Вѣдуна, и хотя онъ считалъ землю своею собственностью, но что-то платилъ Неорзѣ и не судился съ нимъ.

Такъ все это продолжалось безконечно. Разумѣется, Вѣдунъ могъ бы поискать себѣ землю въ другомъ мѣстѣ, пахатную или не раздѣланную, взять ее на нѣсколько десятковъ лѣтъ и обрабатывать; но ему было жаль разстаться съ вотчиной, которая была раздѣлана праотцами и къ которой онъ привыкъ. Къ тому же онъ былъ ужъ старъ и новаго счастья искать не хотѣлъ, а потому, хотя не любилъ Неорзу, но все-таки съ мѣста не трогался.

Топорчикъ былъ очень гордымъ и жаднымъ господиномъ и съ его войтомъ или старостой Вѣдуну не всегда легко было

справиться; но онъ терпѣлъ и, въ концѣ концовъ, все-таки вывертывался изъ всякой бѣды. По временамъ онъ говорилъ себѣ, что Неорза когда-либо дождется церковнаго проклятiя за свое нахальство и тогда-то онъ свободно уйдетъ съ его земли.

Онъ рѣдко видѣлъ Топорчика, но слышалъ о немъ много и зналъ очень хорошо, а потому избѣгалъ съ нимъ встрѣчи, а съ его урядниками, войтами, старостами и проч. онъ былъ въ ладу. Въ общемъ, хотя Вѣдунъ былъ смѣлъ, не унижался и не кланялся людямъ, но ссоръ и суда избѣгалъ, потому что не любилъ судей. Его хозяйство было лучше, чѣмъ у другихъ и достатка больше; а все, что у него было, легко продавалось на рынкахъ и ярмаркахъ. Благодаря этому, хотя ему приходилось платить Неорзѣ, ублажать его войтовъ и старостъ и давать церковную десятину, онъ все-таки чувствовалъ себя хорошо.

Какъ онъ самъ былъ радѣтелемъ по хозяйству и любилъ трудъ, точно также и дѣтямъ не давалъ потачки. Сынъ постоянно находился при немъ; а если онъ посылалъ его въ городъ, то послѣднiй долженъ былъ справляться проворно и возвращаться домой. Что касается дочери, то она пряла, ткала, шила и помогала матери, и онъ не могъ пожаловаться на своихъ дѣтей: оба удались. Мартинъ былъ дѣльный парень и хорошiй работникъ, а Богна — хорошая, веселая, проворная и работающая дѣвушка, хотя и небольшого роста. Словомъ, Вѣдунъ былъ всѣмъ доволенъ и жилъ съ своей семьей припѣваючи.

Однажды вечеромъ, по осени, онъ возвращался съ поля съ плугомъ въ свою хату; за нимъ шли его сынъ и работникъ, прозванный Ужомъ; жена Марья стояла на порогѣ и за что-то бранила его. Въ это время на дорогѣ показался мужчина, скорѣе молодой, чѣмъ старый, вѣроятно, не болѣе тридцати пяти лѣтъ, который велъ хромоногую лошадь за узду. Онъ былъ одѣтъ, какъ одѣвались въ то время достаточные землевладѣльцы или дворяне, и по его убору, какъ равно и по охотничьимъ принадлежностямъ, видно было, что онъ шелъ съ охоты. Должно быть онъ сильно усталъ, а такъ какъ его лошадь сильно хромала, онъ остановился у воротъ и смотрѣлъ

на хату, какъ бы соображая, можетъ ли онъ здѣсь отдохнуть. Старый Вѣдунъ, его сынъ, работникъ Ужъ и жена устались на него глазами, съ любопытствомъ оглядывая его. Барское лицо понравилось Лексѣ, никогда не спѣшившему здороваться съ тѣмъ, кто при встрѣчѣ возбуждалъ къ себѣ недовѣріе.

— Послушайте! — отозвался прибывшій, стоя за воротами. — Я очень усталъ и проголодался... Не найдется ли у васъ чего либо поѣсть и гдѣ-нибудь отдохнуть? Я заплачу вамъ за это...

Вѣдунъ подошелъ къ нему, какъ слѣдовало, съ привѣтствіемъ, но безъ излишней униженности. Очевидно, онъ былъ сегодня въ духѣ и веселомъ настроеніи.

— Мы и безъ платы не гонимъ голоднаго отъ своего порога, — сказалъ онъ. — Но, милый мой, вы, какъ видно по вашему лицу и платью, кажется, не привыкли ни отдыхать въ курной избѣ, ни ѣсть деревянной ложкой изъ глиняной миски.

— Ха-ха! — разсмѣялся добродушно стоявшій за воротами новоприбывшій. — Голодъ смотреть не на миску, а на то, что въ ней есть; усталый же не разбираетъ мѣста и ложится, гдѣ придется, хоть на камняхъ.

Вѣдунъ обратился къ своей старухѣ.

— Ну, баба! — сказалъ онъ, — мечи, что есть въ печи, чтобъ не осрамить себя предъ этимъ владыкой!

Насколько старикъ скрывалъ свою зажиточность, настолько же его жена любила похвастаться ею, и при томъ отличалась иногда наперекоръ мужу.

— Ну, ужъ, — сказала она, — не клевенци на свое хозяйство... Не осрамлю себя, хоть бы пришлось принять самого Неорзу...

Услышавъ это имя, незнакомецъ спросилъ:

— А вы развѣ знаете Неорзу?

— Какъ его не знать! — отвѣтилъ Вѣдунъ, — вѣдь онъ настоятельно считаетъ себя моимъ господиномъ, но я не вѣрю ему, потому — я свободный кметъ... а только трудно съ нимъ воевать бѣдному челоуѣку.

Говоря это, старикъ отворилъ ворота и незнакомецъ вошелъ на дворъ, ведя за собой хромающую лошадь. Тюра взялъ

ее от незнакомца, тотчас приподнял больную ногу и начал осматривать копыто. Ему жаль было славного коня, какого онъ, быть можетъ, никогда не держалъ въ своихъ рукахъ.

Послѣ краткаго осмотра, онъ ловко вынулъ безъ помощи всякаго орудія острый шипъ терновника и весело воскликнулъ:

— Вотъ и готово!.. Теперь только саломъ залить и лошадь будетъ здорова.

Незнакомецъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Спасибо! — сказалъ онъ также весело. — Очень радъ, что моя лошадь перестанетъ хромать, потому что я очень люблю это животное.

Вѣдунъ повелъ гостя въ хату. Послѣдній, какъ будто первый разъ былъ въ деревнѣ, не спѣшилъ войти и съ большимъ интересомъ присматривался ко всему, что ему бросалось въ глаза. Онъ останавливался и хотя не спрашивалъ, но видно было, что онъ весьма интересуется особенностями деревенской жизни.

Хата Вѣдуна, какъ и онъ самъ, ничѣмъ не отличалась отъ другихъ крестьянскихъ хижинъ, развѣ только тѣмъ, что въ ней домашній скарбъ былъ безукоризненно чистъ, крѣпокъ и сдѣланъ умѣлой рукой. Какъ во всѣхъ крестьянскихъ хатахъ, лавки были вокругъ стѣнъ; въ переднемъ углу стоялъ столъ, а близъ порога — очагъ. Въмѣсто деревяннаго пола, онъ былъ сдѣланъ изъ глины, какъ токъ; у дверей, какъ и вездѣ, стояло ведро съ свѣжей водою и деревяннымъ ковшомъ; на полкахъ — глиняная посуда; далѣе, въ поставцѣ, были воткнуты деревянные ложки, стояли деревянные кубки, кувшины, эмалированные смолой и окрашенные красной краской. На столѣ лежалъ коровайчикъ свѣжаго хлѣба съ отрѣзанной горбушкой, при немъ — ножъ и сѣрая соль, насыпанная грудками. Въ то время крестьяне употребляли вообще сѣрую, находя ее солонѣе и экономичнѣе.

Въ эту минуту еще не было ничего свареннаго, но огонь въ печи ярко пылалъ и горшки кипѣли. Хозяйка прямо подошла къ печи. У нея были яйца, солонина, простокваша, сметана, сотовый медъ и свѣжій хлѣбъ. Кромѣ того, было и пиво. А что же больше нужно было голодному гостю?

Незнакомецъ, войдя въ хату, началъ разсматривать и ее; хозяинъ не спускалъ съ него глазъ. Наконецъ онъ сѣлъ на лавку; старикъ тоже сѣлъ на почтительномъ разстояніи. Какъ незнакомецъ внимательно разсматривалъ избу, такъ хозяинъ осматривалъ его, желая, очевидно, узнать, кто былъ этотъ гость. По одеждѣ, онъ могъ предполагать, что передъ нимъ сидѣлъ какой-либо дворянинъ, помѣщикъ; но вѣдь нѣкоторые изъ мѣщанъ также были похожи на господъ.

Гость кивнулъ хозяину головой и довольно неловко стрѣзалъ себѣ кусокъ хлѣба, который посыпалъ солью, и съ жадностью началъ его жевать.

Между тѣмъ словоохотливый старикъ, не любившій молчать, когда былъ въ хорошемъ настроеніи, обратился къ гостю:

— Не смѣю утруждать васъ вопросами, — вѣжливо сказалъ онъ, — но не будете ли такъ любезны сказать: издали ли вы изволили пріѣхать?

— Изъ-подъ Кракова, — равнодушно отвѣтилъ гость.

— Вѣроятно, тутошній землевладѣлецъ?

— Нѣтъ! — возразилъ гость, улыбаясь.

Лекса удивился и подумалъ, что вѣрно онъ имѣетъ дѣло съ какимъ-либо чиновникомъ.

— Знаю, не мѣщанинъ... это видно... — пробурчалъ онъ.

— Ну, конечно, не мѣщанинъ, — разсмѣялся спрашиваемый, — хотя и въ городѣ живу.

Такъ какъ незнакомецъ, очевидно, не хотѣлъ сказать, кто онъ, то Вѣдунъ оставилъ его въ покоѣ: онъ ужъ зналъ, что гость не дворянинъ и не землевладѣлецъ и этого ему было достаточно.

— Ну, а вы какъ здѣсь живете? — въ свою очередь спросилъ незнакомецъ. — Много разныхъ повинностей несете?.. Платите что-либо Неорзѣ?.. Вѣдь онъ жадный до денегъ.

— Видно, вы знаете его? — разсмѣялся Вѣдунъ. — Да кто изъ нихъ не жаденъ! Каждый радъ взять то, чего самъ не заработалъ... Да и не удивительно!.. Имъ много надо... На что бы они одѣвались хорошо?.. На что бы держали хорошихъ лошадей, экипажи, имѣли драгоцѣнности, пировали, ѣли и пили заморскіе напитки?..

Незнакомецъ слушалъ его съ очевиднымъ любопытствомъ и даже забылъ о хлѣбѣ, который началъ ѣсть.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ онъ, мягко улыбаясь.

— При крещеніи дали имя Алексѣя, а нехорошіе люди перекрестили и назвали Вѣдуномъ... Ну, а если Вѣдунъ, такъ пусть себѣ и буду Вѣдуномъ.

И онъ пожалъ плечами.

— Ну, а хозяйство ваше хорошо идетъ? — продолжалъ гость.

— Разно бываетъ: и хорошо и дурно, — фамиллярно отвѣтилъ крестьянинъ. — Надо трудиться и работать на всѣхъ — и на себя, и на дѣтей, и на градъ, и на бурю, и на злодѣевъ, и на Неорзу, и на священника: словомъ, на всѣхъ ибо всѣ нами живутъ...

— Да, это правда, старикъ, — подумавъ замѣтилъ гость, — но вы только льете потъ, а другіе, защищая васъ, проливаютъ свою кровь.

Вѣдунъ добродушно разсмѣялся.

— Ну; вѣдь и наша кровь тоже льется, — отвѣтилъ онъ, — и очень часто. Но какой ужъ порядокъ Господь установилъ, такой онъ и долженъ быть, и не намъ судить о томъ.

При этомъ онъ махнулъ рукою.

— Но у васъ, слава Богу, въ хлѣбѣ нѣтъ нужды? — продолжалъ незнакомецъ, смотря какъ хозяйка съ дочерью стрипають у печи.

— Бываютъ и голодные годы, — вздохнулъ крестьянинъ. — У меня то, слава Богу, всегда есть запасъ зерна, а многіе, передъ новью, варятъ траву, ѣдятъ древесную кору и мрутъ отъ голода... Ну, тогда, у кого нѣтъ ни совѣсти, ни стыда, идетъ разбойничать...

Незнакомецъ громко разсмѣялся.

— Неудивительно, что это дѣлается съ голоду, когда многіе землевладѣльцы и рыцари, не страдая имъ, разбиваютъ на большихъ дорогахъ!

Это смѣлое замѣчаніе какъ будто удивило хозяина и онъ подумалъ, что если гость такъ говоритъ, то значить онъ не принадлежитъ къ рыцарству, а потому фамиллярно отозвался:

— Ахъ, мой милый человѣкъ!.. Намъ не приходится удивляться землевладѣльцамъ... Вѣдь и скотина, съ позволенія скакать, если ѣсть хорошо, то тоже лягается и, Богъ вѣсть, что

творить. Въ нашемъ королевствѣ имъ хорошо живетъ. Впрочемъ, вѣрно и вездѣ такъ,—поправился Вѣдунъ, помолчавъ.

— Разумѣется,—подтвердилъ гость,—и въ другихъ государствахъ происходитъ то же самое, а то еще хуже.

— Не всегда это такъ бывало. Наши дѣды говорятъ, что всѣ были одинаковы и равны, а потомъ ужъ все поиспортилось, такъ что кметы сдѣлались полуневольниками.

— Однако же, кто былъ свободенъ, тотъ и остался такимъ,—возразилъ гость.

Вѣдунъ покачалъ головой.

— Объ этомъ много надо говорить,—пробурчалъ онъ.

— Говорите, и я охотно послушаю васъ,—сказалъ гость, беря ломтикъ хлѣба.—Кажется, у насъ кметамъ не совсѣмъ худо живетъ.

Вѣдунъ посмотрѣлъ на незнакомца и опять покачалъ головой.

— Да,—возразилъ онъ,—только за каждаго убитого кмета платится штрафъ четыре гривны, а за головы близкихъ людей—по шести, и ничего ему за это не будетъ; а между тѣмъ за убитого дворянина надо заплатить шестьдесятъ... да и этого еще мало бываетъ... Если кмету надоѣстъ какой-либо Неорза, то онъ даже не можетъ уѣхать съ его земли и, по обычаю, долженъ ждать какого-либо несчастья: то онъ чью-нибудь дочку обидитъ, то за его долги приходится страдать, то... мало ли еще что!..

— Но вѣдь у васъ есть судьи?—замѣтилъ гость.

— Да, но судьи больше дворяне и народъ боится ихъ, потому что у нихъ нельзя искать нашему брату справедливости. Если онъ осудить не хорошо, то его и упрекнуть нельзя. Къ тому же, если судить кастелянъ, то ему надо дать горностая или ласку; да и каждому другому надо заплатить четыре гроша, и ему меньше цѣны нѣтъ... Возный (приказный) тоже требуетъ платы, а если нечѣмъ заплатить, то онъ беретъ быка, одежду, топоры и все что подъ руку попадетъ.

Незнакомецъ слушалъ съ возрастающимъ вниманіемъ говорящаго и, когда тотъ кончилъ, медленно спросилъ:

— Что же сдѣлать, чтобы всѣмъ справедливость оказать? Вѣдь и кметы, по моему, должны пользоваться ею наравнѣ съ другими.

Вѣдунъ даже привѣталь со скамейки: такъ ему показалось страннымъ это замѣчаніе. Онъ посмотрѣлъ на гостя.

— Ахъ, милый господинъ!—сказалъ онъ,—хотя я человѣкъ простой, но все же думаю, что съ этимъ зломъ ничего не сдѣлаешь. Я тоже бываю въ церкви и слушаю проповѣди священника. Такъ было испоконъ вѣковъ и такъ должно быть и останется.

Гость призадумался.

Между тѣмъ хозяйка съ дочерью начали подавать на столъ кушанье. Хотя оно было не особенно привлекательное, крестьянское, но сытное, и голодный незнакомецъ съ охотей принялся за деревенскія блюда, точно онъ первый разъ въ жизни ѣлъ подобные лакомства, которыя пришились ему по вкусу.

Вѣдунъ тоже взялъ одну миску на колѣни и ѣлъ, опустивъ голову.

Молоденькая Богна поставила передъ гостемъ кувшинъ съ пивомъ и простой деревянный кубокъ, который она, по своему женскому инстинкту, находила лучшимъ. Онъ былъ свѣже выструганъ, точно выточенный, и на лоснящемся деревѣ были сдѣланы красныя каемки, въ видѣ обручей.

Гость налилъ пива и, кивнувъ головою недурненькой дѣвушкѣ, выпилъ за ея здоровье. Она покраснѣла, закрыла лицо передникомъ и отошла къ печи.

Всѣ ѣли нѣкоторое время въ молчаніи; но вскорѣ гость прервалъ его и отозвался:

— Пожалуйста, расскажите подробнѣе о вашемъ состояніи вообще и о вашихъ нуждахъ, чтобы знать, какъ помочь дѣлу.

Вѣдунъ съ недовѣріемъ пожалъ плечами и разсмѣялся.

— Знать-то можно,—сказалъ онъ,—но помочь едва-ли... И самъ король наврядъ-ли можетъ сдѣлать что-либо:

— Даже король?!—переспросилъ гость, переставъ ѣсть и устремивъ свои глаза на хозяина.—А почему? Вѣдь у него есть все для того, чтобы улучшить бытъ... у него есть сила и... воля!

— Да, но онъ долженъ щадить своихъ рыцарей и не раздражать дворянъ, которые содержатъ его; а за дворянствомъ и рыцарствомъ не видно кметовъ... они послѣдними стоятъ за нами, какъ маленькіе люди.

— Но вѣдь король надъ всѣми господинъ, какъ надъ рыцарствомъ и дворянствомъ, такъ и надъ крестьянами.

— Такъ оно и должно быть; но, въ сущности, крестьянина въсѣмъ долженъ служить, а ему покровительствуетъ только одинъ Богъ.

— Ну, значить вы все-таки не можете жаловаться хоть на своего покровителя!—разсмѣялся незнакомецъ.

— Я и не жалуюсь,—закончилъ хозяинъ, которому, очевидно, не нравился этотъ разговоръ.

Оба замолчали; хозяйка поставила передъ гостемъ другое блюдо. Богна подала ему чистую ложку, которую предварительно вытерла передникомъ. Гость опять улыбнулся ей, такъ что она была вынуждена покраснѣть и опять удалиться къ печи.

Гость, прежде чѣмъ приняться за второе кушанье, отчасти ужъ успокоивъ свой голодъ, глубоко призадумался: вѣроятно у него было что-либо на умѣ.

— Значить, вы не особенно довольны своимъ житьемъ-бытьемъ?—спросилъ онъ.

— Не хвалю и не особенно сѣтую,—возразилъ Вѣдунъ.— У меня такая натура, что я весело принимаю все, что Господь пошлетъ... А если-бъ я отчаявался и беспокоился, то самъ бы себѣ вредилъ...

И онъ небрежно махнулъ рукою.

— Бываете въ Краковѣ?—спросилъ гость.

— Бываю на рынокъ, а иногда и въ костелъ,—возразилъ Вѣдунъ.— Не интересно...

— А все-таки въ немъ есть на что посмотреть.

— Да и дома есть за чѣмъ приглядѣть...

Незнакомецъ улыбнулся.

— Правда, есть на что посмотреть, когда злодѣевъ ставить у позорнаго столба и когда бродягъ изгоняютъ вонъ изъ города прутьями... Больше тамъ нѣтъ ничего интереснаго... До „свидницкаго“ пива не добиться бѣдному человѣку, потому что его и своимъ не хватаетъ.

— Зато въ замкѣ есть на что посмотреть.

— Ну, въ замокъ намъ не попасть. Туда дорога открыта только дворянамъ. Да и зачѣмъ идти?

— Какъ зачѣмъ?—спросилъ гость.—Да если васъ обидѣли

бы, то вы могли бы прийти и къ королю... Вѣдь онъ всѣмъ
верховный судья.

Вѣдунъ вытаращилъ глаза.

— Сохрани Богъ! — воскликнулъ онъ. — А если бы король,
по незнанію, осудилъ кого-нибудь неправильно, то вѣдь его нельзя
было бы и упрекнуть, потому что за этотъ упрекъ и соболя было
бы мало. А кому потомъ жаловаться?.. Только Богу...

— Значить, вы не очень-то довѣряете королю?

Этотъ вопросъ изумилъ и быть можетъ даже испугалъ
кмета, потому что онъ долго молчалъ.

— Король! король! — пробурчалъ онъ. — Ему есть о чемъ
думать и безъ насъ.

— Все равно, и о васъ долженъ думать.

Лекса съ любопытствомъ посмотрѣлъ на гостя, какъ бы
желая узвать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

— Очевидно, вы не любите его? — спросилъ незнакомецъ.

При этомъ вопросѣ Вѣдунъ сдѣлался серьезнымъ.

— Онъ намъ ничего худого не сдѣлалъ, — возразилъ Лекса, —
и мнѣ кажется, что онъ и хотѣлъ бы сдѣлать все хорошо, но
не можетъ... Старого короля, Локтя, мы всѣ знали, а моло-
дого даже трудно увидѣть... Покойный былъ очень добръ... и
часто разговаривалъ даже съ простымъ крестьяниномъ.

Легкій румянецъ окрасилъ щеки незнакомца.

— Того короля, — продолжалъ Вѣдунъ, вставъ со скамьи и
приближаясь къ незнакомцу, — мы часто спасали, когда онъ,
будучи оставленнымъ своимъ рыцарствомъ, скитался по госу-
дарству... прятался по пещерамъ и оврагамъ... За того мы,
кметы, часто кровь проливали... Все это мы помнимъ отлично.

— И его сынъ тоже не забываетъ о томъ, — возразилъ
гость, опираясь на руку и призадумываясь.

Затѣмъ онъ выпилъ пива и взглянулъ на Вѣдуна, который
прибавилъ:

— Въ покойномъ королѣ мы видѣли отца и брата. Онъ
жилъ точно такъ же, какъ и мы, былъ суровъ для рыцарей и
добръ для насъ... И Господь наградилъ его за это царскимъ
вѣнцомъ.

Незнакомецъ вдругъ всталъ, будучи какъ-то странно взвол-
нованъ, и осмотрѣлся кругомъ.

День клонился къ вечеру.

— Спасибо вамъ, хозяинъ и хозяйшка,—сказалъ онъ,—и вамъ также,—прибавилъ онъ, кивнувъ головой Богнѣ и засунувъ руку въ сумку, въ которой зазвенѣли деньги.

Хозяинъ нахмурился.

— Не обижайте меня,—спокойно замѣтилъ онъ,—мы не беремъ за угощеніе никакой платы.

— Почему?—спросилъ гость.

— По старому обычаю. Хата—не корчма. Не обижайте... И хотя Неорза говорить, что я его крѣпостной, но я былъ и буду свободнымъ кметомъ.

И онъ усмѣхнулся, желая обратить это въ шутку. Гость замѣтно былъ озабоченъ и призадумался.

Наконецъ онъ снялъ съ своего пальца перстень и кивнулъ Богнѣ, которая, вмѣсто того, чтобы подойти къ нему, спряталась въ уголъ.

— Мнѣ было бы желательно оставить вашей дочери хотъ маленькій подарокъ, который пригодится ей на обрученъе, когда она пойдетъ замужъ,—сказалъ незнакомецъ.

Говоря это и не желая слушать дѣвушку, онъ положилъ перстень съ большимъ свѣтящимся камнемъ на столъ, поклонился и пошелъ къ порогу.

Хозяинъ послѣдовалъ за нимъ. Тюра бросился къ лошади, которая хотъ и хромала еще, но, будучи напоенной и накормленной чувствовала себѣ бодрой и могла свободно идти. Незнакомецъ, опять поблагодарилъ всѣхъ, вскочилъ на лошадь и, выѣхавъ за ворота, довольно быстро уѣхалъ, а вскорѣ совсѣмъ скрылся въ заросляхъ.

Вѣдунъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и вернулся въ избу, въ которой засталъ свою семью разсматривающей перстень Богны. Онъ былъ изъ чистаго золота, довольно массивный, съ краснымъ солиднымъ камнемъ, который искрился при свѣтѣ заходящаго солнца. Всѣ удивлялись его красотѣ, и только одинъ Вѣдунъ былъ нѣсколько задумчивъ, напрасно стараясь угадать, кто былъ тотъ гость, который не пожелалъ сказать, кто онъ, и передъ которымъ онъ такъ откровенно проговаривался. Онъ не былъ похожъ на духовнаго, хотя они въ то время ходили въ различныхъ одеждахъ; для мѣщанина онъ

казался черезчуръ богатымъ и къ тому же бариномъ; а въ принадлежности къ рыцарству и самъ не признался.

Дѣйствительно, трудно было угадать. Кромѣ того, подарокъ, который, по его мнѣнію, былъ драгоцѣннымъ, хотъ онъ и не умѣлъ отличать металловъ, чрезвычайно смущалъ его.

Старуха, когда всѣ насмотрѣлись на него, завернула перстень въ чистую холстину и спрятала въ сундукъ...

На дворѣ стало смеркаться. Тюра еще убиралъ скотъ съ помощью работника Ужа, а Богна возвращалась отъ колодца съ ведромъ свѣжей воды, когда вдругъ всѣ услышали лошадинъй топотъ, крики и перекликанія въ заросляхъ и на дорогѣ.

Въ этой мѣстности рѣдко случалось, чтобы кто-либо проѣзжалъ ночью, а потому Тюра, для безопасности, подбѣжалъ къ воротамъ и быстро заложилъ ихъ деревяннымъ засовомъ. Но не успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ нѣсколько всадниковъ остановились у избы. Ни лицъ ихъ, ни одежды, уже нельзя было разсмотрѣть за быстро наставшею темнотой. Одно только Тюра замѣтилъ, что они были вооружены, громко и безпокойно разговаривали и какъ будто ссорились между собою. Одинъ изъ нихъ проклиналъ кого-то, бранился и наконецъ отозвался:

— Эй! кто тамъ въ избѣ?—крикнулъ онъ.

— А кого вамъ надо?—спросалъ Тюра.

— Не ѣхалъ ли кто-либо по этой дорогѣ?

— Мало ли кто ѣздитъ по дорогѣ!—возразилъ Тюра.

— Не видалъ-ли кого сегодня... теперь... сейчасъ?

Въ это время подошелъ Вѣдунъ и отвѣтилъ вопросомъ на вопросъ:

— Да кого же вамъ нужно?

Стоявшіе за воротами разсмѣялись.

— Вишь ты какой любопытный, мужикъ!

— Не проѣзжалъ ли здѣсь какой-либо господинъ?

— Да, былъ одинъ.

— На какой лошади?

Тюра описалъ масть и достоинство коня, и всѣ вдругъ закричали:

— Это онъ! это онъ!

— Не болѣе часа тому назадъ, какъ онъ уѣхалъ дальше и останавливался только потому, что его лошадь захромала,

да и самъ онъ, видимо, усталъ. Онъ отдохнулъ здѣсь и мы приняли его, чѣмъ Богъ послалъ.

— А былъ здоровъ?

— Здоровъ, какъ вы всѣ, и даже довольно веселый,—отвѣтилъ Вѣдунъ.—Только не сказалъ, кто онъ. Не будете ли добры сказать, кто былъ этотъ господинъ.

Веселые голоса цѣлаго отряда вооруженныхъ всадниковъ заглушили этотъ вопросъ.

— Скорѣй въ погоню!—раздались голоса.

— Счастливецъ ты, мужичекъ!—отозвался одинъ, разслышавшій его слова. — Ты не знаешь кого принималъ, и тебѣ стануть завидовать многіе господа.

— Кого-же, кого?—чуть не умоляя, спросилъ старикъ.

— Короля!.. Король былъ у тебя!—крикнулъ онъ и, не дожидая отвѣта, помчался за остальными, которые также быстро исчезли, какъ и явились сюда.

Вѣдунъ и его сынъ остолебенѣли. Старикъ сильно призадумался и нахмурилъ лобъ.

— Вотъ такъ наслушался онъ отъ меня разныхъ вещей! — пробурчалъ онъ про себя.

Между тѣмъ Тюра и Богна побѣждали къ старухѣ матери, работникъ ужъ схватился за голову и всѣ засуетились.

— Король! король!—повторяли они.

— Только бы онъ не разсердился на меня,—произнесъ въ душѣ старикъ.—Я сдуру-то наказалъ ему много лишняго. Положимъ, онъ самъ вынуждалъ меня говорить, но... воля Божья! чему быть, того не миновать...

И онъ грустный вошелъ въ хату.

Здѣсь всѣ начали разсуждать, какъ гость выглядѣлъ, что говорилъ, какъ улыбался Богнѣ и какой подарокъ ей оставилъ.

Поразмысливъ здраво, крестьянинъ убѣдился, что король не могъ сердиться на него, и всякая тревога его исчезла. Всѣ заговорили ужъ о томъ, какъ онъ былъ похожъ на обыкновенныхъ людей, но не на короля, и затѣмъ пошли спать.

Хотя неожиданное посѣщеніе королемъ крестьянской лачуги произвело на Вѣдуна большое впечатлѣніе, но онъ всталъ, по привычкѣ, до свѣта и отправился въ поле.

Тюра и работникъ Ужъ, работая и разговаривая цѣлый день о томъ, что было вчера, и не замѣтили, какъ дождались слѣдующаго вечера; но ни въ этотъ день, ни въ послѣдующіе не случилось ничего такого, что бы могло навлечь на Вѣдуна и его семью гнѣвъ и немилость короля, а потому, мало-по-малу впечатлѣнія улетучивались, а черезъ мѣсяцъ совсѣмъ разсѣялись, и старикъ ужъ шутя рассказывалъ, какъ онъ фамиллярно и просто принималъ у себя короля и какъ свободно бесѣдовалъ съ нимъ, сидя на одной лавкѣ за своимъ непригляднымъ столомъ.

Наконецъ всѣ успокоились и ужъ забыли о посѣщеніи короля, какъ вдругъ, въ одно прекрасное время, въ самый полдень, когда Вѣдунъ былъ еще въ полѣ, у воротъ его хаты раздались многочисленные голоса. Хотя старуха Ворчунья и ея дочь Богна были не трусливы, однакоже заперлись въ пустой избѣ и подумали о томъ, не подняться ли имъ на чердакъ и не стащить ли съ собой лѣстницу, потому что какіе-то рыцари сильно кричали у воротъ, требуя подать имъ Вѣдуна.

Баба осторожно выглянула въ щель и узнала Неорзу, который былъ настолько толстъ, что ему трудно было слѣзть съ коня, съ круглымъ, краснымъ и непріятнымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ на толстой, какъ онъ самъ, лошади и выходилъ изъ себя отъ злости, требуя къ себѣ Вѣдуна.

Послѣдній находился на своемъ ланѣ; услышавъ шумъ, онъ засунулъ руки въ карманы и, не спѣша, очутился на своемъ дворѣ съ задняго хода. Увидѣвъ и узнавъ Неорзу, онъ снялъ свою шапку и поклонился, нисколько не обращая вниманія на его брань и ругань.

Онъ подошелъ ближе.

Неорза приподнялъ нагайку, которую держалъ въ рукѣ.

— Сюда! ко мнѣ, разбойникъ!..—крикнулъ онъ.—Такъ ты жаловаться на меня королю?!.. Ахъ, ты каналья!.. Я тебѣ покажу!.. я съ тебя всю шкуру сдеру... я... я...

— Я? жаловаться?—возразилъ Вѣдунъ съ обыкновеннымъ своимъ ироническимъ спокойствіемъ, болѣе оскорбительнымъ, чѣмъ наглость...—Я?!

— А кто же?

— Не знаю... только не я... Правда, я разговаривалъ съ

его милостью, онъ былъ у меня гостемъ, но о васъ не спрашивалъ и я не могъ жаловаться, не зная, кто онъ такой.

Неорза смотрѣлъ на него съ пѣной у рта, сжимая кулаки.
— А оброкъ внесъ? Гривну заплатилъ?—крикнулъ онъ.

— Все заплатилъ и ничего не долженъ,—отвѣтилъ Вѣдунъ, смотря въ землю.

— До сихъ поръ тебѣ хорошо жилось на моей землѣ... и лжетъ тотъ, кто говоритъ иное!.. Ты жилъ спокойно на ней; но теперь ты узнаешь, какимъ я умѣю быть!.. Не станешь больше жаловаться...

— Не я жаловался королю, а король — мнѣ,—отвѣтилъ равнодушно старикъ,—и вы можете дѣлать, что угодно... воля ваша...

У Неорзы была большая охота расправиться съ крестьяниномъ по-своему, но его что-то удерживало и онъ только поднималъ руку вверхъ и погрозилъ.

— Ты узнаешь меня! узнаешь!..—крикнулъ онъ, хлестнулъ коня нагайкой и поѣхалъ дальше. Его слуги гурьбой помчались за нимъ.

Вѣдунъ надвинулъ шапку на голову, засунулъ руки въ карманы кафтана и посмотрѣлъ на колодезь, на срубъ котораго стояло ведро. Онъ подошелъ къ нему, напился, вытеръ губы и равнодушно отправился къ своему плугу.

Тюра думалъ, что отецъ скажетъ ему что-нибудь, но онъ только чмокнулъ на коня и, сказавъ: «Но!..», поѣхалъ по бороздѣ.

Въ хатѣ все было тихо; но черезъ три дня приказчикъ Неорзы увезъ среди бѣлаго дня стогъ сѣна съ луга Вѣдуна. На вопросъ крестьянина, кто ему позволилъ взять сѣно, приказчикъ отвѣтилъ, что ему было такъ приказано и что, кромѣ этого, Лекса долженъ былъ привезти немедленно три мѣры ржи и заплатить полгривны.

— За что?—спросилъ Вѣдунъ.

Посланный коротко отвѣтилъ, что такъ ему приказано.

На слѣдующій день двое людей взяли насильно телѣгу съ лошадей, неизвестно куда, для чего и на какое время. Въ виду того, что лошади могли измучиться и известись отъ рабѣты, Тюра вынужденъ былъ поѣхать вмѣстѣ съ ними.

Такимъ образомъ началось гоненіе Неорзы.

Вѣдунъ терпѣлъ и даже не пикнулъ; между тѣмъ, старуха по цѣлымъ днямъ проклинала.

— Замолчи ты, наконецъ! — прикрикнулъ онъ. — Ничего твои проклятія не помогутъ... Подождемъ немного, и если этотъ волкъ не скоро насытится, то пойдемъ по свѣту... Земли вездѣ найдемъ... Я вѣдь не невольникъ...

Но для старухи разстаться съ своей хатой было тяжелѣе, чѣмъ съ жизнью: она плакала.

Наконецъ Тюра вернулся съ телѣгой и лошадьми. Но не успѣлъ онъ еще оглянуться, какъ приказчикъ опять явился и увелъ изъ хлѣва молодого бычка. Такой былъ приказъ. Въ полѣ, въ стадѣ овецъ, собаки помѣщика калѣчили скотъ, и когда Вѣдунъ протестовалъ противъ этого, приказчикъ только смѣялся и говорилъ:

— Погоди! еще не то будетъ!

Наконецъ, одинъ изъ подосланныхъ работниковъ пришелъ однажды вечеромъ къ Вѣдуну и шепнулъ ему, какъ бы по дружбѣ, чтобы онъ пошелъ съ подаркомъ къ Неорзѣ, поклонился ему, покорился и попросилъ прощенія.

Вѣдунъ нахмурился, помолчалъ и затѣмъ коротко отвѣтилъ:

— Ступай братъ, туда, откуда тебя прислали.

Женщины приходили въ отчаяніе. Быть можетъ не легче было и Вѣдуну, но онъ только сжималъ ротъ и закусывалъ губы.

Все это продолжалось долгое время.

Однажды въ полдень, когда Вѣдунъ вернулся съ поля обѣдать и сидѣлъ въ избѣ, онъ услышалъ на дворѣ веселый смѣхъ и зовъ:

— Здравствуй, хозяинъ!

Но прежде чѣмъ старикъ дошелъ до порога, какъ увидѣлъ входящаго къ нему короля съ сворой охотничьихъ собакъ.

Вѣдунъ, какъ подобало, поклонился ему въ ноги.

— Здравствуй, здравствуй, хозяинъ! — отозвался король. — Будетъ тебѣ кланяться... Обходись со мной, какъ въ первый разъ. Въ замкѣ я — король, а здѣсь — простой охотникъ.

И онъ сѣлъ на лавку. Собаки положили ему на колѣни свои кудластыя головы. Вѣдунъ стоялъ молча.

— Ну, говори, старикъ—что у васъ тутъ хорошаго? Бабы здоровы? Рожь всходитъ?

Крестьянинъ наконецъ пришелъ въ себя отъ перваго впечатлѣнія, безпокойства и волненія.

— Вы очень добры къ людямъ, всемилостивѣйшій король,—сказалъ онъ,—но все, что случается послѣ васъ—ничего не стоитъ... Неорза преслѣдуетъ меня за то, что будто я жаловался вамъ на него. Дальше я ужъ не могу выдержать его гоненій.

Голосъ старика дрогнулъ. Король возмущился.

— Ахъ, онъ негодяй!—воскликнулъ король.—Говори, что онъ тебѣ сдѣлалъ?

Вѣдунъ разсказалъ все не спѣша, холодно, умѣреннымъ тономъ, но съ обыкновенной своей проницательностью.

— Вызови его въ судъ.

— Судиться—нужны деньги... всѣмъ надо платить... А кромѣ того, въ судахъ сидятъ все свои... то братья, то сватья, то какой ни на есть другой родственникъ.

Король покраснѣлъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ, вставая съ лавки,—успокойся... Я завтра же вызову его на свой судъ... и у меня онъ не выиграетъ свое дѣло...

Вѣдунъ быстро подошелъ къ нему съ сложенными руками.

— Милостивѣйшій король!—воскликнулъ онъ.—Бога ради, не дѣлайте этого! Неорза съѣстъ меня живымъ, а я не буду въ состояніи ходить къ вамъ и постоянно жаловаться на него... Это невозможно... У васъ дѣла всего королевства и не я одинъ безпокою васъ... Къ тому же, не всегда вы можете быть дома... Побѣдете на Русь... въ Венгрію... мало ли куда въ гости, на охоту... Васъ не будетъ, и Неорза сядетъ мнѣ на шею...

— Такъ что же тебѣ сдѣлать и чѣмъ помочь?—грустно спросилъ король, соглашаясь съ мнѣніемъ крестьянина, который вздохнулъ и призадумался, какъ будто не смѣя отвѣтить словами, пришедшими ему на умъ.

— Говори!—прибавилъ король.

— Ничѣмъ вы мнѣ не можете помочь, — тихо возразилъ Вѣдунъ:—не только мнѣ, но и никому изъ кметовъ. Король одинъ, а пановъ-землевладѣльцевъ очень много и ему не до-

смотря за всѣми. Гдѣ же вамъ все видѣть и знать, что дѣлается въ вашемъ государствѣ! А если вы и спросите, то намъ отвѣтить, что все сдѣлано по вашему приказанію, а между тѣмъ насъ будутъ душить по прежнему. Эхъ, да что!.. Я самъ, помаленьку, справлюсь съ Неорзой. не два вѣка намъ жить съ нимъ...

Король опечалился.

— Повѣрь мнѣ, мой милый,—отвѣтилъ онъ,—что я охотно бы исправилъ вашъ крестьянскій бытъ, но ты правъ: король безсиленъ противъ нихъ...

И онъ иронически улыбнулся, а затѣмъ прибавилъ:

— Дѣйствительно, для этого горя остается одно: у каждаго кмета есть огниво у пояса, въ полѣ найдется время, а трута много въ лѣсу растеть...

Кметъ грустно усмѣхнулся.

— Да,—возразилъ онъ,—не одинъ изъ насъ вынужденъ прибѣгнуть къ этому способу, за неимѣніемъ лучшаго, но это ужъ послѣднее средство...

Король попросилъ молока.

Хозяйка покрыла столъ бѣлымъ ручникомъ и положила свѣжій хлѣбъ. Король сѣлъ за столъ. Его свита осталась за воротами.

Какъ самъ хозяинъ, такъ и хозяйка постарались угостить короля. Даже собаки были угощены молокомъ, поставленнымъ имъ въ мискахъ у печи.

Король, угощаясь молокомъ, спрашивалъ старика о жизни вообще, о его заработкахъ и о разныхъ налогахъ.

Крестьянинъ, поощряемый и ободряемый королемъ, до того осмѣлился, что сталъ разговаривать съ государемъ, какъ съ равнымъ себѣ. Король казался ему менѣе страшнымъ, чѣмъ помѣщикъ Неорза, имя котораго опять было упомянуто въ ихъ простодушной бесѣдѣ.

— Ты, мой милый, долженъ быть доволенъ тѣмъ,—замѣтилъ король,—что Неорза обижаетъ не тебя одного. Вѣдь онъ посягаетъ даже на меня.

— Да какъ онъ смѣетъ!—возмутился кметъ.

— Такъ-же, какъ и на тебя!—разсмѣялся король.—Надо замѣтить, что на обязанности смотрителей за соляными копами

въ Величкѣ лежитъ содержаніе моихъ лошадей, которымъ тамъ очень хорошо живется... Ну, вотъ Неорзѣ тоже захотѣлось, чтобы его клячи откормились тамъ даромъ моимъ добромъ... Его Труклу и Левку не посмѣли отогнать и они свободно питались моимъ кормомъ... ну, и откормились.

Вѣдунъ покачалъ головою.

— Но я жестоко наказалъ за это нахала, и приказалъ ему не являться ко мнѣ на глаза...

— Вишь, все на чужой счетъ хочется дѣлать!—замѣтилъ кметъ.—Еще бы чего не вздумалъ дѣлать.

— Такъ вотъ видишь, что и я не лучше тебя: и меня грабить... и грабить не одинъ Неорза, а много подобныхъ ему... Ты правду сказалъ, что одному мнѣ за всѣмъ не услѣдить.

Такимъ образомъ ихъ разговоръ продолжался еще нѣкоторое время, и когда, наконецъ, король собрался уѣхать, крестьянинъ Вѣдунъ схватилъ полу его кафтана и, цѣлуя ее, съ мольбою сказалъ:

— Всемилостивый король! если вы хотите сдѣлать мнѣ добро, то не вмѣшивайтесь между мной и Неорзой... Онъ будетъ мстить... Я самъ справлюсь съ нимъ.

— Огнивомъ?—спросилъ король.

— Это—въ крайнемъ случаѣ,—возразилъ Вѣдунъ, мотая головой и провожая его до воротъ.

Въ этотъ разъ Богна совсѣмъ не показывалась, и королевскій любимецъ, Коханъ Рава, бывшій съ нимъ, узнавъ отъ короля о ея красотѣ, съ беспокойствомъ посматривалъ на избу, въ ожиданіи увидѣть ее. Но мать Богны, какъ бы предчувствуя что-то, не выпустила ее изъ свѣтелки, и она только чрезъ щелку могла видѣть короля.

Высокій гость уѣхалъ назадъ, въ Браковъ. Его свита ѣхала сзади, Коханъ—подлѣ него. Послѣдній не могъ объяснить себѣ этого посѣщенія крестьянина, какъ только желаніемъ посмотрѣть на его красивую дочку, которая, очевидно, ему понравилась.

Въ виду этого, Коханъ заговорилъ о ней и высказалъ свое неудовольствіе, что Вѣдунъ не показалъ ее.

— И отлично сдѣлалъ,—возразилъ король, взглянувъ на него съ насмѣшкой.—Очевидно онъ воспиталъ ее не для того,

чтобы она погибла... Да и жалъ было бы ее... Господскія дѣвушки и мѣщанки не особенно цѣнятъ свою добродѣтель, а у крестьянъ—это святыня, къ которой нельзя прикасаться, ибо цѣломудріе ихъ дочерей—единственное достояніе...

Коханъ разсмѣялся.

— Не даромъ васъ крестьяне прозвали своимъ королемъ,—замѣтилъ онъ, думая что король приметъ его слова близко къ сердцу; но онъ только улынулся и отвѣтилъ:

— Ты думаешь, что я постыдился бы быть ихъ королемъ, если-бъ могъ? Въ томъ-то и заключается все мое несчастье, что я король только по названію... Многого желаю, но мало могу сдѣлать!..

Король вздохнулъ и молча продолжалъ свой путь.

Неорза, имѣвшій свои помѣстья въ Сандомірской землѣ, имѣлъ ихъ и въ Краковскомъ округѣ. Онъ принадлежалъ къ богатѣйшему и старшему роду Топорчиковъ, которые расплодились по всѣмъ польскимъ землямъ и всѣ были могущественны. У него былъ свой дворъ и домъ въ Краковѣ, въ которомъ онъ часто пребывалъ.

Сначала Неорза старался понравиться королю, мечтая о его милостяхъ и занятіи высокаго поста въ королевствѣ. Но король Казиміръ, хотя и былъ одаренъ добродушіемъ, не любилъ, льстецовъ и холодно принималъ его; несмотря на всю его навязчивость, онъ равнодушно обходился съ нимъ.

Вскорѣ онъ замѣтилъ, что ему не обойти Казиміра своею хитростью и лестью, и хотя ему когда-то было обѣщано воеводство, чтобы отдѣлаться отъ его назойливости, но теперь онъ ужъ не могъ надѣяться получить его. Конечно, онъ не выказывалъ своего разочарованія передъ людьми, очень много говорилъ о своей будущности, но питалъ большое неудовольствіе къ королю, точилъ на него свои зубы и не любилъ. Всѣмъ Топорчикамъ не нравилось, что Казиміръ хотѣлъ завести порядокъ въ странѣ, присматривался ко всему, разговаривалъ съ крестьянами о ихъ нуждахъ, допускалъ къ себѣ жидовъ съ жалобами и не давалъ транжирить доходы, получаемые съ рудниковъ и соляныхъ копей.

Какъ Неорза, такъ и другіе очень сѣтовали на это и высказывали свое нежеланіе имѣть такого короля.

Когда Левко, смотритель соляныхъ копей въ Величкѣ, донесъ королю, что Неорза поставилъ ему для откорма своихъ лошадей, то король сильно разсердился, велѣлъ прогнать ихъ и не пускать Неорзу къ нему на глаза.

Благодаря этому, Неорза тоже озлобился на Казимира. Но такихъ недовольныхъ по разнымъ причинамъ было очень много у короля. Даже духовенство роптало на него, потому что архіепископъ Богорья потворствовалъ ему; а дворяне жаловались, что имъ не давали руководить въ судахъ и поэтому строго слѣдили за правильностью приговоровъ, налагаемыхъ другими. Шляхты не любили также и ксендза Суховилька, который состоялъ ближайшимъ и неутомимѣйшимъ совѣтникомъ при королѣ; точно также его не жаловали ни духовные, ни рыцари. Словомъ, жалобы и упреки сыпались со всѣхъ сторонъ; однако, зналъ ли о нихъ король и говорили-ли ему—трудно было угадать, потому что онъ не особенно заботился о людскомъ мнѣніи относительно себя, и его лично не могло удержать, если онъ что намѣтилъ достигнуть и исполнить. Къ числу недовольныхъ королемъ принадлежалъ также и молодой ксендзъ Мартинъ Барычка, происходившій изъ семьи, которая когда-то переселилась изъ Венгрии на Русь. Онъ родился отъ Гримальянки, воспитывался за границей и былъ извѣстенъ какъ по своей суровости, такъ и неустрашимости характера. Въ то время Барычка былъ еще викаріемъ и состоялъ при епископѣ краковскомъ и его дворѣ. Хотя онъ былъ еще незначительнымъ человѣкомъ, но люди ужъ предсказывали ему завидную будущность, и когда другіе священники оказывались обыкновенными людьми, думали о бенефиціяхъ (приходахъ), стремились къ сановничеству и повышеніямъ,—отецъ Мартинъ пренебрегалъ всѣмъ, что не касалось его призванія: онъ готовъ былъ идти хоть въ огонь или въ воду, если туда призывали его обязанности, и дѣлалъ это съ такимъ равнодушіемъ, какъ самыя простыя вещи.

Его всѣ уважали и рѣдко кто не боялся. По временамъ онъ даже епископу не угождалъ, не дѣлалъ ему никакихъ уступокъ и не принималъ ихъ. Тамъ, гдѣ дѣло касалось служенія

Богу, онъ ни на что не обращалъ вниманія и шелъ со всеѣми въ разрѣзъ. Самая его наружность возбуждала тревогу: онъ былъ желтый, худой, аскетичный въ молитвахъ и умерщвленіи плоти, преждевременно состарившійся, съ острымъ пронизательнымъ взглядомъ, непріятнымъ голосомъ и порывистыми движеніями. Его добродѣтели превращались въ страсть, а набожность—въ фанатизмъ. Выйдя на амвонъ, онъ проникался проповѣдническимъ духомъ и доходилъ до чрезвычайнаго увлеченія. Онъ приходился родственникомъ Неорзѣ по матери, называлъ его своимъ дядей и часто бывалъ у него.

Домъ Неорзы былъ деревянный, невзрачный и находился на Околѣ, и когда въ немъ не было его владѣльца, то его охраняли привратникъ съ женой и старый слуга. Домъ состоялъ изъ нѣсколькихъ запущенныхъ комнатокъ, между которыми была одна большая для приѣма гостей. Послѣднихъ жадный и скупой Неорза не любилъ принимать, да къ нему и неохотно шли, потому что онъ не умѣлъ принять какъ слѣдуетъ, хотя могъ и у него всего было въ достаткѣ. Самъ онъ ѣлъ и пилъ очень много, но безъ всякаго разбора. Для него все было хорошо: и онъ ѣлъ самую грубую пищу, запивая ее прокислымъ пивомъ. Если не было никого постороннихъ, то онъ ѣлъ тѣ блюда, которыя готовились для работниковъ, не разбирая, что бы они ни ѣли, только бы побольше.

Черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія королемъ крестьянина Алексѣя, когда лошади Неорзы были изгнаны изъ Велички и онъ узналъ, что король разсердился и велѣлъ не пускать его въ замокъ, онъ положительно взбѣсился. Но у него не было никого, на комъ онъ могъ-бы выместить свою злобу. Люди, узнавъ, что онъ впалъ въ немилость, отшатнулись отъ него и ему не съ кѣмъ было подѣлиться въ тотъ день своимъ огорченіемъ. Только передъ вечеромъ къ нему пришелъ сандомірскій подсудокъ, Ясько, прозванный Горохомъ. Этотъ послѣдній тоже принадлежалъ къ недовольнымъ. Онъ былъ юристомъ-самоучкой; поучившись съ грѣхомъ пополамъ въ школѣ при монастырѣ Пречистой дѣвы Маріи въ Краковѣ, онъ поступилъ сначала писцомъ при судѣ, а потомъ, приглядѣвшись ко всему и изучивъ „право“, достигъ степени подсудка.

Но чѣмъ менѣе онъ зналъ, тѣмъ больше гордился своимъ

судебнымъ знаніемъ. Хитрый и жадный, какъ Неорза, и притомъ бѣдный, Ясько Горохъ только выигрывалъ тѣмъ, что умѣлъ пользоваться различными преступленіями и брать взятки, и хотя люди жаловались на него, но онъ не обращалъ на это вниманія. Онъ тоже охалъ и стоналъ, что все оставался простымъ подсудкомъ, тогда какъ чувствовалъ себя способнымъ и достойнымъ занять высшій постъ въ судебномъ учрежденіи.

Неорза, увидѣвъ въ дверяхъ этого долговязаго и прямого, какъ жердь, Гороха, тотчасъ разразился бранью.

— Знаешь, знаешь,—крикнулъ онъ невнятно, такъ какъ у него былъ толстый языкъ,—чего мы дождались? Короля холоповъ!.. Да! Для нихъ онъ какъ родной отецъ, а для насъ, старыхъ дворянъ, — палачъ, тиранъ, деспотъ!.. Только подумайте!.. Мнѣ, старому дворянину Топору, нельзя дать негодяю жиду на прокормъ пары клячь при соловарѣ! Помилуйте! Онъ тотчасъ велѣлъ убрать ихъ прочь!.. Ну, что вы скажете на это?..

Онъ ждалъ отвѣта, но Горохъ только ворочалъ языкомъ, не произнося ни слова.

— Король ѣздитъ въ гости къ моему негодяю Вѣдуну, а меня не пускаетъ въ замокъ!.. Понимаете?

— Да, у насъ все такъ,—собравшись съ духомъ, отвѣтилъ Горохъ.

— Но что онъ думаетъ себѣ?!—кипѣлъ гнѣвомъ Неорза.— Неужели онъ намѣренъ поступать съ нами, рыцарями и дворянами, какъ съ невольниками?..

И онъ заходилъ по комнатѣ, пыхтя и сопя отъ волненія.

Между тѣмъ Горохъ оглядывался кругомъ. Хотя онъ не былъ такъ жаденъ къ ѣдѣ и напиткамъ, какъ хозяинъ, но охотно бы угостился, потому что его званіе освобождало его отъ платы за гостепріимность.

У Неорзы тоже все жгло внутри. Онъ хлопнулъ въ ладоши и приказалъ вошедшему слугѣ нацѣдить изъ бочки пива, которое вскорѣ было принесено въ оловянномъ кувшинѣ съ двумя глиняными кубками. Оба сѣли за столъ. Неорза сопѣлъ, а Горохъ вздыхалъ. У перваго только и были на умѣ лошади, удаленныя изъ Велички; подсудокъ раздѣлялъ его негодованіе и наконецъ, послѣ второго кубка пива отозвался:

Конечно, онъ обидѣлъ васъ. Ваши лошади не объѣли бы его. Но это ничто, въ сравненіи съ другими вещами. Предвидится то, что скоро камня на камнѣ не останется!

— Что?.. Гдѣ?—спросилъ изумленно Неорза.

— Они передѣлаютъ здѣсь всѣ порядки.

— Кто?

— Суховилькъ и король!—тихо отвѣтилъ Горохъ, боявшійся, чтобы его не подслушали.

Неорза сильно призадумался.

— Что-же, что? Говорите!—проворчалъ онъ, наклоняясь къ Гороху.

— Развѣ вы ничего не знаете?

Хозяинъ пожалъ плечами и выпилъ кубокъ пива.

— Суховилькъ научился за границей такимъ вещамъ, которыя никогда не росли на нашей землѣ. Онъ хочетъ садить и размножать виноградныя лозы тамъ, гдѣ даже простыя деревья чахнуть и погибаютъ отъ мороза. Какъ слышно, онъ сочиняетъ для насъ новые законы и обычаи, собранные имъ въ разныхъ странахъ; да, совсѣмъ новые, какъ съ иголки.

Неорза выпучилъ глаза, очевидно, не понимая, что онъ говорить.

— Что? что?—тихо переспросилъ онъ.

— Теперь мы судимъ по своей совѣсти,—продолжалъ Горохъ, тыча себя пальцемъ въ грудь,—все видимъ, знаемъ, обсуждаемъ, слушаемъ... такъ нѣтъ же! имъ не нравится это и намъ скоро прикажутъ судить по писаннымъ законамъ!

И онъ проницески разсмѣялся.

— Этого не можетъ быть!—воскликнулъ возмущенно хозяинъ.

— Но король того желаетъ, потому что о. Суховилькъ на-сказалъ ему Богъ вѣсть что о томъ, что дѣлается въ чужихъ краяхъ.

И Горохъ опять разсмѣялся.

— Хо-хо!—продолжалъ онъ.—Теперь вы берегитесь, господа дворяне, берегитесь!.. Что сегодня сдѣлаютъ съ судьями, то завтра могутъ сдѣлать съ вами!.. Они бросятъ старые обычаи, потопчутъ ихъ ногами и передѣлаютъ все королевство на новый ладъ, по венгерскому или чешскому способу.

Неорза былъ возмущенъ, но молчалъ.

— Мало того, что они сдѣлають насъ, судей, невольниками закона, но они затѣвають нѣчто большее... Вездѣ только и говорятъ о передѣлкахъ и перестройкахъ. Какіе были у насъ прекрасные, здоровые деревянные дома, а теперь король приказываетъ строить каменные, а жить въ такихъ домахъ, это — смерть! Словомъ, хочетъ погубить! Возьмемъ, къ примѣру, соль: Ее Богъ далъ для всѣхъ. Прежде каждый могъ получить ее въ Величкѣ, сколько хотѣлъ, за то, что у него было, а теперь — хо-хо!.. настали всякіе расчеты и жида записываютъ каждую мѣрку въ реестръ.

— А мои лошади?. Вдругъ — вонъ изъ Велички!.. — пробурчалъ съ досадой Неорза. — Вотъ какъ! Дворяне и рыцари ему не по вкусу, а къ жидамъ и мужикамъ его сердце льнетъ. Этотъ подлый Левко, что выдалъ моихъ коней, и деньги чеканить, и солянымъ промысломъ завѣдуешь, и все, что скажетъ, то свято. Моего мужика-разбойника король по плечу треплетъ, а насъ вонъ гонитъ!.. Что мы для него? что мы?

— Свѣтопреставленіе и только! — сказалъ Горохъ, поглядывая на дно опустѣвшаго кубка.

Въ этотъ моментъ на порогѣ появился отецъ Мартинъ Барычка, который должно быть ужъ простоялъ нѣкоторое время, прежде чѣмъ его замѣтили.

Горохъ, относившійся съ уваженіемъ къ духовнымъ лицамъ, всталъ и подошелъ поцѣловать его руку. Неорза тоже всталъ, чтобы дать ему мѣсто сѣсть. Послѣдній сѣлъ съ омраченнымъ и хмурнымъ лицомъ.

— Вы, кажется, жалуетесь на короля? — отозвался онъ, качая головой.

Неорза развелъ своими пухлыми руками и съ опечаленнымъ лицомъ обратился къ нему.

— Слышали, что случилось съ моими лошадьми въ Величкѣ? А?.. Это вопіющее дѣло!..

Отецъ Мартинъ изумился.

— У меня посланы туда двѣ лошади для откормки, и король приказалъ прогнать ихъ!..

— А какое же вы имѣли право ставить ихъ туда? — спросилъ о. Барычка.

— Право?! — воскликнулъ Неорза, — такое же, какое имѣли

его другіе, откармливая тамъ по три и четыре лошади. Вѣдь изъ-за этого ничего бы не случилось ни съ жидомъ, ни съ королемъ!..

Священникъ съ ироніей покачалъ головою.

— Мало того! Вы только послушайте, что говоритъ Горохъ. Волоса дыбомъ становятся, слушая его рассказы.

Отецъ Мартинъ обратился къ подсудку.

— Да, ужасныя вещи творятся, — сказалъ Горохъ. — Говорятъ, пишутъ новые законы...

И подсудокъ началъ свои нареканія. Онъ говорилъ убѣдительно и съ увлеченіемъ, но никакого впечатлѣнія не произвелъ на духовнаго; послѣдній только улыбнулся.

— Это еще не велика бѣда, что король дѣлаетъ, — строго возразилъ онъ.

Оба слушателя умолкли, а ксендзъ, сдѣлавъ грустную физіонмію, такъ продолжалъ:

— Ему хотѣлось имѣть наслѣдника, и это понятно. Онъ женился бы на чешкѣ, но та умерла... и въ томъ видѣнъ перстъ Божій! Тотчасъ послѣ ея смерти, король Янъ и его сынъ Карлъ высватали ему Аделаиду Гессенскую. Но долго ли онъ съ ней жилъ? А что теперь дѣлается?..

Горохъ качалъ головою.

— Эта нѣмка не принесла ему даже порядочнаго приданнаго, и къ тому же совѣмъ не красива, — замѣтилъ онъ.

— Все-таки онъ женился на ней, и она ему жена! — прервалъ о. Мартинъ.

— Видѣлъ и я ее, — пробурчалъ Неорза, — и хоть не люблю короля, но не виню его. Совѣмъ некрасивая баба... но нашему не знаетъ ни слова и, говорятъ, совѣмъ не умна...

— Все-таки она его жена, — замѣтилъ о. Барычка.

— Ну, за нее-то и заступаться не стоитъ, — замѣтилъ Горохъ. — Ее не обижаютъ. А что она противна королю и что ее посадили въ Жарновицкомъ замкѣ, такъ изъ этого еще ничего не слѣдуетъ! Она живетъ какъ королева и только мужа не видитъ. Да, ужъ очень безобразна.

— Именно, изъ-за этого онъ и не можетъ съ ней жить, хотя бы и слѣдовало, — произнесъ о. Мартинъ. — Однако, чело-вѣкъ созданъ не для однихъ удовольствій. Онъ удалилъ ее,

такъ и пусть бы такъ было, но зачѣмъ онъ заводитъ себѣ другихъ и подаетъ худой примѣръ людямъ?

Слова эти, высказанныя такъ строго, не получили отвѣта въ слушателяхъ, точно такъ-же, какъ ихъ сѣтованія на новые законы—у него.

Неорза и Горохъ опустили глаза: они тоже были не безгрѣшны; а въ тѣ времена, когда человѣческія страсти проявлялись съ громаднѣйшимъ увлеченіемъ, мало кто могъ похвастаться своей благочестивой жизнью.

Такимъ образомъ строгое порицаніе отца Мартина было принято молчаніемъ.

— Король виноватъ въ томъ, что онъ позволяетъ себѣ увлекаться,—продолжалъ священникъ,—но не менѣе виноваты и тѣ изъ нашего духовенства, которые живутъ съ нимъ, имѣютъ постоянныя сношенія, смотрятъ на его проступки и не порицаютъ ихъ... Навѣрное и нашъ гнѣзненскій пастырь знаетъ о томъ, такъ какъ очень часто бываетъ у него; знаетъ это и отецъ Суховильскъ, но не выносить изъ дворца; знаютъ также и капеланы... и всѣ молчатъ.

Слушатели тоже молчали. Горохъ находилъ, что установленіе новыхъ законовъ было большимъ прегрѣшеніемъ, чѣмъ общечеловѣческія слабости, а Неорзѣ показалось, что изгнаніе его лошадей изъ Велички было уголовнымъ преступленіемъ.

— Если-бъ я былъ при дворѣ,—прибавилъ о. Барычка,—и если-бъ пользовался расположеніемъ короля, то не потерпѣлъ бы его любовницъ, на которыхъ всѣ указываютъ пальцами.

— Но вѣдь ихъ нѣтъ въ Краковѣ,—шепнулъ Горохъ, указывая рукой въ разные стороны. — Всѣ сидятъ въ королевскихъ дворахъ, въ Опочнѣ, въ Чеховѣ, въ Кжечовѣ...

— Вездѣ полно ихъ!—возмущался отецъ Мартинъ,—найдутся и въ нашемъ городѣ... Мало того! Люди говорятъ даже о жидовкахъ!

Горохъ и Неорза въ ужасѣ всплеснули руками.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Горохъ.

Неорза промолчалъ.

Разговоръ о королѣ прекратился, потому что мимо оконъ дома проскользнула чья-то тѣнь и никто не желалъ быть подслушаннымъ.

Только одинъ отецъ Мартинъ готовъ былъ повторить то, что сказалъ, передъ всѣми.

Хозяинъ поднялся съ мѣста, въ ожиданіи прихода въ комнату человека, тѣнь котораго промелькнула въ окнѣ.

Вскорѣ дверь отворилась и на порогѣ появился одинъ изъ Яковъ Мѣхавскихъ, хорошо извѣстный Неорзѣ.

Вѣкъ тому назадъ, это былъ богатѣйшій и извѣстнѣйшій родъ; часть этого рода еще понынѣ была состоятельна; другая же, много жертвовавшая на монастыри, сильно обѣднѣла, и именно въ это время тотъ самый Микула, который стоялъ теперь у порога, перепродалъ часть своего достоянія, когда-то пожертвованнаго Енджеевскому монастырю, за тридцать гривенъ.

У Неорзы была одна дочь и говорили, что Микула хотѣлъ сватать ее. Но онъ принадлежалъ къ придворнымъ короля и на него смотрѣли подозрительно.

Когда онъ вошелъ, то всѣ замолчали.

Хотя бѣдность была замѣтна на молодомъ человѣкѣ, но по лицу его каждый могъ легко узнать его благородное происхожденіе. Всѣ черты его и рыцарская осанка, быть можетъ, даже черезчуръ были красивы для мужчины. Въ немъ было что-то барское, величественное, хотя онъ былъ очень скромно одѣтъ.

Неорза сухо встрѣтилъ его. Онъ предчувствовалъ, что Якса, пребывая при дворѣ короля, все знаетъ и пришелъ къ нему съ какимъ-либо предостереженіемъ, а потому онъ предпочиталъ не говорить съ нимъ.

Разговоръ начался объ обыденныхъ дѣлахъ, о богуслуженіи въ церквахъ, о разныхъ городскихъ новостяхъ и слухахъ.

Поговоривъ такъ нѣкоторое время, Якса вдругъ сказалъ:

— А я къ вамъ попрощаться пришелъ. Мнѣ казалось, что вы собираетесь уѣхать.

Хозяинъ гордо взглянулъ на него.

— Разумѣется, мнѣ здѣсь нечего дѣлать, — возразилъ онъ, — но и не стану спѣшить, чтобы кому-либо не показалось, что я убѣгаю отъ разгнѣваннаго короля.

Въ свою очередь Якса тоже взглянулъ на него.

— Ну, что король? — мрачно спросилъ Неорза.

— На охотѣ.

— Сердить?

— Я никогда не видалъ его сердитымъ, — возразилъ Якса. — А если когда и вспылить, то сейчасъ же обуздаетъ себя.

— Ну, а на меня все-таки сердится! — воскликнулъ Неорза.

Очевидно, Якса не хотѣлъ прямо сказать, что думалъ, и поэтому нерѣшительно отвѣтилъ:

— Не знаю... но самъ думаю, что если вы на время уѣдете отсюда, то все само собою позабудется.

— Можетъ быть; но я ему этого не забуду! — проворчалъ хозяинъ.

Отецъ Барычка распрощался и ушелъ; Якса и Горохъ — остались.

Воспоминаніе о королѣ опять взволновало Неорзу; онъ заходилъ по комнатѣ и грозно заверчалъ. Хотя онъ зналъ, что Якса близко стоитъ къ королю, однако же не держалъ своего языка за зубами, имѣя въ виду то, что если Якса мѣтитъ на его дочку, то долженъ ему потакать.

— Не такой король намъ нуженъ, — ворчалъ онъ, — это мужицкій король, а не нашъ... Если онъ не любитъ дворянъ, то и мы его также.

Якса покраснѣлъ и живо возразилъ:

— Извините! Всѣ мы, имѣющіе счастье состоять при его особѣ, очень любимъ его.

— Ну, и на здоровье! — насмѣшливо возразилъ Неорза, лицо котораго побагровѣло.

Якса не могъ удержаться и всталъ.

— Да, — прибавилъ онъ, — всѣ мы должны любить его, потому что онъ добръ и справедливъ. Онъ для всѣхъ доброжелателенъ, а только несчастливъ.

— Онъ? Чѣмъ это? Чего ему недостаетъ? Казна, опустѣвшая при старикѣ, теперь полна, и ему ничего не стоитъ отсчитать какому-нибудь нѣмцу двадцать тысячъ гривенъ, а разныхъ драгоценностей и серебра точно льду на водѣ! Чего же ему еще надо?

— Не знаю, уважаемый господинъ Неорза, — вѣжливо отвѣтилъ Якса, — но, мнѣ кажется, богатство еще не даетъ счастья. Нѣтъ наследника.

— Такъ почему онъ не живетъ съ женой?

Якса промолчалъ.

Неорза, выйдя изъ терѣбня отъ этого незначительнаго противорѣчiя, отвернулся отъ Яксы. Гордый Микула, понявъ его неудовольствiе, ушелъ почти не поклонившись. Хозяинъ проводилъ его взглядомъ и сѣлъ у стола подлѣ Гороха, будучи увѣренъ, что тотъ одинаковаго мнѣнiя съ нимъ.

— Какъ вамъ кажется, господинъ судья: можемъ мы терпѣть его?—отозвался онъ тихо.

— Кого?—спросилъ гость съ удивленiемъ.

— Да короля. Въ былое время дворяне выбирали ихъ, и когда они не нравились, то низвергали...

— Но вѣдь этотъ коронованный...—робко возразилъ Горохъ.

— Э! что намъ его корона!—воскликнулъ Неорза, махнувъ рукой.—Я знаю, что здѣсь, въ Краковскомъ округѣ, мы ничего съ нимъ не сдѣлаемъ. Надо начинать съ другихъ земель: напримѣръ, съ Великопольши, съ Познани. Тамъ найдется много недовольныхъ на то, что отъ нихъ увезли корону изъ Гнѣзна и что бывшую столицу превратили въ мѣстечко. Тамъ каждому сановнику снится, чтобы какъ-либо избавиться отъ королевской власти, какъ отъ нея избавились поморцы. Тамъ одни стремятся подъ власть бранденбуржцевъ, другiе силезцевъ. Тамъ...

Говоря это, онъ взглянулъ на подсудка и остановился внезапно. Хотя Горохъ былъ недоволенъ королемъ, но не смѣлъ даже думать о томъ, а не только сочувствовать такой наглости.

Онъ посмотрѣлъ на Неорзу неодобрительно. Послѣднiй замѣтилъ, что онъ напрасно проболтался, и, чтобы исправить свою ошибку, смущенно усмѣхнулся и прибавилъ:

— Разумѣется, я шучу!.. Мнѣ только досадно за моихъ лошадей... Все-таки онѣ откормились бы въ Величкѣ.

Но Горохъ недовѣрчиво отнесся къ его словамъ и замѣтилъ ему:

— Напрасно вы вздоръ говорите и высказываете несообразныя мысли... Одинъ Богъ знаетъ, что думаютъ великопольяне! Вамъ извѣстно, что Винчъ изъ Шамотулъ былъ недоволенъ Локтикомъ, а потомъ долженъ былъ каяться, и все-таки, въ концѣ концовъ, былъ убитъ дворянами... То же самое мо-

жетъ случиться и съ тѣми, кто вздумаетъ возстать противъ короля!

Неорза призадумался.

— Онъ не такъ силенъ, какъ его отецъ, — возразилъ онъ болѣе спокойно. — Къ тому же и не способенъ къ войнѣ. Онъ только любить строить и передѣлывать. Ему только бы бабничать, пировать, охотиться и устраивать турниры.

— Ну, значить, вы совсѣмъ его не знаете, — возразилъ Горохъ, — и хотя все это правда, но дѣло въ томъ, что у него такая же желѣзная воля, какъ у отца, и, кромѣ того, онъ хитрѣе и умнѣе его.

Неорза смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, слушалъ и не зналъ, какъ вести себя съ человѣкомъ, въ настроеніи котораго онъ такъ жестоко ошибся.

— Какъ ужъ тамъ будетъ со всѣми его затѣями, постройками и перестройками — еще не извѣстно, — прибавилъ Горохъ, — но что онъ задумалъ, то поставить на своемъ.

Подсудокъ вздохнулъ и затѣмъ продолжалъ:

— Намъ, судьямъ, конечно, будетъ худо. Что мы тогда будемъ значить?! Лишняго гроша ужъ не заработаешь, потому что онъ больше заботится о кметахъ, о поселенцахъ, о бѣдномъ и темномъ народѣ, чѣмъ о насъ и дворянахъ. Но ужъ что рѣшилъ, то будетъ сдѣлано! Я знаю его! А что вы говорите о великополянѣхъ, то на нихъ полагаться нельзя. Если-бъ даже рыпари остались недовольны имъ, то онъ найдетъ наемныя войска въ Чехіи, Венгріи, въ Пруссіи и другихъ государствѣхъ. Кромѣ того, если онъ захочетъ, то скоро у него будетъ не мало и русскаго народа, — докончилъ Горохъ и вздохнулъ.

Неорза призадумался. Все, что говорилъ подсудокъ, произвело на него большое впечатлѣніе и онъ молчалъ.

Молчаніе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока изсякло пиво въ кувшинѣ.

Горохъ всталъ и началъ прощаться. Хозяинъ холодно подалъ ему руку и проводилъ такимъ же взглядомъ.

— Врешь! — пробурчалъ онъ, — дворяне тоже что-либо значать! Но я не прощу королю за свой стыдъ и за своихъ клѣчь.

Величайшее изъ дѣяній своего царствованія король Казиміръ рѣшилъ совершить въ Вислицѣ въ память своего отца, имя котораго было тѣсно связано съ тѣмъ городкомъ, который онъ два раза отбивалъ у непріятеля; тамъ онъ скрывался, тамъ молился и оттуда выходилъ на войну съ цѣлю восстановленія своихъ правъ и возвращенія своей собственности. Этотъ городокъ былъ памятенъ и дорогъ для Локтика, такъ какъ онъ служилъ ему пріютомъ въ самыя тяжелыя минуты его жизни.

А что король руководился своею сыновнею любовью, это не подлежало никакому сомнѣнію. Прежде всего онъ началъ его огораживать стѣнами и возводить каменные постройки, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ деревянный костелъ, въ которомъ постоянно молился его отецъ, былъ построенъ каменный изъ тесаннаго гранита.

Этотъ древній городокъ стоялъ надъ Нидой, въ устьѣ рѣки, какъ островокъ, образовавшійся на холмикѣ, среди луговъ, затопляемыхъ вѣдными водами. Въ этихъ вѣчныхъ трясиныхъ, по преданію, было царство лягушекъ, ужей и змѣй, расплодившихся тамъ сотнями тысячъ. По тѣмъ же преданіямъ извѣстно, что когда священникъ служилъ литургію въ маленькой церковкѣ на предмѣстьи и лягушки своимъ кваканьемъ мѣшали ему совершать молебствіе, онъ проклиналъ ихъ и съ тѣхъ поръ тамъ сдѣлалось тише.

Хотя Вислица, благодаря заботамъ короля Казиміра, отличалась каменными зданіями, которымъ могли позавидовать многіе города, но все-таки это было древнее селеніе, начала котораго не помнили старожилы. Еще при язычникахъ здѣсь жили люди; рыцари окапывались въ немъ и тамъ происходили кровавыя событія, о которыхъ рассказывались настоящіе чудеса. Но больше всего упоминались дѣянія того маленькаго богатыря-царька Локтя, бѣднаго бродяги, который совершалъ въ теченіе полувѣка эти чудеса и который спаялъ, такъ сказать, поломанную корону Владислава Храбраго и опять возложилъ ее на свою изнуренную и усталую голову.

Давно ужъ по всѣмъ землямъ носились слухи, передаваемые другъ другу съ ироніей, что король Казиміръ стремился создать какіе-то новые законы для всей Польши; что надъ ними давно ужъ трудился отецъ Суховильскъ и что въ какой-то городѣ

должны стѣхаться какъ мало- такъ и великополяне выслушать ихъ и принять къ руководству на одинаковыхъ началахъ во всѣхъ земляхъ. Къ обнародованію этихъ законовъ готовились нѣсколько лѣтъ. Люди, по обыкновенію, были недовольны введеніемъ всякихъ новшествъ и не хотѣли разставаться съ древнимъ „Правомъ“, установленнымъ обычаемъ, который каждый какъ хотѣлъ, такъ и объяснял. Главнымъ образомъ, судьи роптали на нихъ, находя во вновь написанномъ „Правѣ“ униженіе своего достоинства. Въ тогдашней Польшѣ никто не имѣлъ понятія о томъ, что объединеніе всѣхъ земель и подведеніе ихъ, по мысли короля, подъ общій законъ и монету было желательнымъ и могущимъ дать новую силу для борьбы съ невѣжествомъ. Но каждая земля придерживалась и защищала свои обычаи, опираясь на нихъ, какъ на свое исключительное право. Шляхты боялись, чтобы новый законъ не уменьшилъ ихъ власти надъ кметами, т. е. вольными крестьянами, и не отнял у нихъ тѣхъ правъ, къ которымъ они привыкли испоконъ вѣковъ. Извѣстная часть людей, руководствовавшаяся нѣмецкими законами, быть можетъ, тоже съ безпокойствомъ ожидала введенія новшествъ, боясь, чтобы новый польскій законъ не нарушилъ ихъ исключительныхъ правъ. Словомъ, наканунѣ вислицкаго съѣзда, передъ которымъ должны были состояться еще другіе, произошло общее броженіе умовъ, вызывавшее у всѣхъ сильное безпокойство: Даже духовенство считало себя въ опасности. Тотъ самый Янъ Суховильскъ, главный совѣтникъ и правая рука короля, хотя самъ былъ ксендзомъ и къ тому же родственникомъ архіепископа, былъ невидимъ для духовенства, которое упрекало его, что онъ больше занимался свѣтскими, чѣмъ духовными дѣлами и принималъ ближе къ сердцу интересы государственные, чѣмъ церковные. Они тоже боялись, чтобы онъ не нарушилъ своимъ новымъ закономъ ихъ старой свободы.

Въ виду этого, всѣ являлись на этотъ великій съѣздъ, еймъ или вѣче, въ Вислицу болѣе съ безпокойнымъ любопытствомъ, чѣмъ съ радостью. Нѣкоторые говорили, что они ни въ какомъ случаѣ не уступятъ своихъ старинныхъ правъ и будутъ защищать свободу; другіе же и сами не знали еще, какъ они поступятъ. Тѣмъ не менѣе, кто могъ и хотѣлъ поддержать свой престижъ, ѣхалъ въ Вислицу. Кметы тоже пого-

варивали о новомъ законѣ; они не ожидали для себя ничего хорошаго, такъ какъ были убѣждены, что рыцари и дворяне сильнѣе короля, хотя и вѣрили, что король Казиміръ не забудетъ объ ихъ участи.

Вѣдунъ, послѣ послѣдняго посѣщенія короля, — посѣщенія, которому многіе завидовали и послѣ котораго кметы не давали ему покоя различными вопросами, — совсѣмъ приунылъ. Не желая распространяться о томъ, что онъ говорилъ съ королемъ, онъ началъ избѣгать людей и предавался исключительно своимъ сельско-хозяйственнымъ работамъ, вслѣдствіе чего многіе начали смотрѣть на него какъ-то странно. Даже Неорза, который сначала преслѣдовалъ его, потребовалъ только покорности, а потомъ и совсѣмъ оставилъ его въ покоѣ. Его управители, очевидно, получивъ приказаніе, не трогали старика и сдѣлались съ нимъ любезны. Благодаря этому, всѣ причиненные ему непріятности и убытки пошли на смарку и крестьянинъ не упоминалъ о нихъ.

Въ это время у короля было много разныхъ заботъ и онъ забылъ о Вѣдунѣ. Одинъ годъ прошелъ въ походахъ на Русь, которые ознаменовались грабидѣйшими добычами, занятіемъ Пржемысла, Галича, Луцка, Владиміра, Санoka, Любачова и Тренбовли, а съ ними взятіемъ разныхъ сокровищъ, которые возами доставлялись въ Краковъ. Послѣ этого, Казиміръ женился на нѣмкѣ, каторую онъ, едва привезъ въ замокъ, долженъ былъ удалить изъ-за ея безобразія и чужестранныхъ обычаевъ. Отвращеніе къ ней, еще больше возбуждаемое сестрой Елисаветой, которая рассчитывала на польскую корону для своего сына, опять лишало Казиміра наслѣдника на польскій престолъ... Послѣ этого король выдалъ свою, едва сформировавшуюся, дочь за Богуслава Щетинскаго, давъ ей истинно царское приданое. Далѣе, измѣна на Руси Дашкова и его друзей, потомъ нашествіе татаръ на границы и сраженіе, послѣ тѣсной дружбы, съ чехами, дали ему побѣду. Но, благодаря всему этому, король не могъ сидѣть въ Краковѣ, и Вѣдунъ потерялъ всякую надежду когда-либо увидѣться съ нимъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Богна вышла замужъ; Тюра женился и ужъ получилъ наслѣдника; но Вѣдунъ, почти не постарѣвшій за этотъ промежутокъ времени, не думалъ объ

отдыхъ и передачъ своего хозяйства въ руки сына. Какъ умный человекъ, онъ построилъ для него подъ лѣсомъ особнякъ, чтобы бабы, какъ онъ выражался, не грызлись между собой, потому что старая Ворчунья хотя и любила свою невѣстку, но еще болѣе — сына, и всегда находила въ ней какіе либо недостатки, за которые упрекала ее. Въ виду этого, старикъ удалилъ молодыхъ, построивъ имъ жилище подальше отъ старухи, чтобы они рѣже видѣлись съ ней и жили дружнѣе.

На Алексѣѣ не были замѣтны прожитые имъ годы: онъ только дошелъ до той черты возраста, чрезъ которую работающіе и дѣятельные люди никогда не переходятъ, какъ бы они долго ни жили. Потомъ смерть уноситъ ихъ неожиданно во снѣ или во время труда, сразу парализуя ихъ дѣйствія.

Вѣдунъ по прежнему ходилъ за плугомъ, пахалъ, молотилъ и дѣлалъ разныя вещи по хозяйству, чтобы не дать застынуть крови въ себѣ. Только съ каждымъ днемъ, онъ дѣлался молчаливѣе; однакоже, при случаѣ, когда это было нужно, его языкъ развязывался и онъ по прежнему охотно балагурилъ съ людьми.

Въ 1347 году, какъ-то ранней весною, въ великомъ посту, Вѣдунъ приготовлялся къ посѣвамъ, какъ только земля сброситъ свой ледяной покровъ. Онъ былъ въ сараѣ со своимъ работникомъ Ужомъ, осматривалъ и чинилъ сохи, бороны, телѣги и прочія сельско-хозяйственныя орудія тогдашняго времени. Вдругъ онъ услышалъ чей-то голосъ:

— Эй! хозяинъ!

Черезъ минуту раздался крикъ его старухи:

— Лекса! куда ты дѣвался? Живо сюда!

Вѣдунъ вышелъ изъ сарая и увидѣлъ у воротъ всадника, лица котораго не могъ разсмотрѣть и узнать.

Хотя на дворѣ свѣтило блѣдное солнце, но было холодно и на голову всадника былъ надѣтъ капюшонъ, какіе въ то время носили какъ во всей Европѣ, такъ и въ Польшѣ. Франты къ концу башлыкообразнаго капюшона пришивали, для красоты, цѣлый хвостъ, состоявшій изъ толстыхъ узловъ, кистей и султановъ. Именно такой капюшонъ былъ надѣтъ на всадникѣ, котораго старикъ узналъ лишь въ то время, когда тотъ повернулся къ нему лицомъ.

Это былъ король.

Несмотря на измѣнившееся лицо, оно однако же не потеряло ни своей прежней красоты, ни свѣжести, а только какъ будто сдѣлалось печальнѣе, точно обладатель его тосковалъ о потерянномъ счастьѣ и разочаровался жизнью. Въ немъ убавились молодость и веселье, а прибавились серьезность и сухость.

Но все-таки онъ былъ все тотъ же государь, который милостиво разговаривалъ съ крестьяниномъ, какъ съ рыцаремъ или какимъ-либо высокопоставленнымъ сановникомъ. Только при взглядѣ на него дѣлалось какъ-то жалко, точно бремя, лежавшее на его плечахъ, черезчуръ тяготило его.

Вѣдунъ поклонился ему въ ноги.

Король былъ окруженъ небольшою свитой охотниковъ съ соколами и собаками; при немъ находился неотступно Коханъ Рава, которому онъ что-то шепнулъ, соскочилъ съ коня и, бросивъ поводья, потренилъ слегка по плечу старика, а затѣмъ перешагнулъ порогъ его хаты.

Старая Ворчунья съ смиренною радостью привѣтствовала дорогого гостя, гордясь его посѣщеніемъ, и хотѣла ужъ приняться за угощеніе, но король сказалъ, что онъ не будетъ ѣсть.

У нея былъ старый медъ, котораго она просила отвѣдать, и король, смѣясь, согласился, хотя не любилъ очень старыхъ напитковъ.

Вѣдунъ смиренно стоялъ передъ королемъ, который внимательно смотрѣлъ на него.

— Однако, ты даже не постарѣлъ за эти годы!—весело отозвался король.

— Потому что и прежде былъ старъ, — такъ же весело отвѣтилъ Вѣдунъ. — У насъ говорятъ объ одномъ человѣкѣ, который носилъ на рукахъ своего теленка съ перваго дня его рожденія и такъ продолжалъ онъ каждый день, пока теленокъ сдѣлался великовозрастнымъ быкомъ. Точно такъ же бываетъ и съ нашимъ сельскимъ трудомъ: если его не покидаешь, то силы не изсякаютъ и человѣкъ нисколько не слабѣетъ. Если-бъ я отдохнулъ вѣсколько дней, то старость незамѣтно подкралась бы ко мнѣ.

Король грустно улыбнулся.

— Умно сказалъ, старикъ!—прошепталъ онъ.

— Я только повторилъ чужія слова, которыя извѣстны всему свѣту, — скромно отвѣтилъ Вѣдунъ.

— Все-таки я охотно воспользуюсь этой непреложной мудростью, — сказалъ король, оглядываясь кругомъ и опираясь рукой на столъ.

Онъ помолчалъ минуту и потомъ медленно прибавилъ:

— А знаешь ли, старикъ, что тебя ожидаетъ?

Вѣдунъ отрицательно мотнулъ головою.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ за услугами...

Кметъ поклонился.

— Приказывайте, милостивѣйшій король.

— И не за малыми... онѣ мнѣ необходимы...:

Король опять помолчалъ и наконецъ отозвался

— Ты вѣрно ужъ слышалъ, что я созвалъ дворянъ собраться на четвертой недѣлѣ поста въ Вислицѣ? Тамъ имъ будутъ прочтены новые законы, касающіеся какъ дворянъ и духовенства, такъ и васъ, крестьянъ, и всего остального народа.

Вѣдунъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Милостивый король! — сказалъ онъ, — я каждый день думаю о томъ, когда засыпаю овесъ лошадямъ, которыя должны ѣсть его изъ одного желоба. Но если бы не караулить и не досматривать, то старшія и сильнѣйшія лошади съѣли бы весь овесъ, не давъ его другимъ. Поэтому, мнѣ кажется, то-же самое можетъ произойти и съ вашимъ предпріятіемъ, къ которому насъ не допустить.

— Это ужъ ваше дѣло! — усмѣхнулся король. — Я только засыпаю кормъ въ желобъ и... пока живъ, буду стоять при немъ на стражѣ, чтобы сильнѣйшіе не обидѣли слабѣйшихъ. Въ Вислицу съѣдутся дворяне, духовныя лица, рыцари, маленькіе панки и шляхта, а потому нужно, чтобы тамъ были и крестьяне.

Вѣдунъ молчалъ, глядя съ изумленіемъ на короля.

— Допустятъ ли насъ? — прошепталъ онъ, подумавъ.

— Скажи тѣмъ, кто бы осмѣлился не допускать, что ты получилъ мой личный приказъ. Я желаю, чтобы тамъ были и крестьяне: вы нужны тамъ!

Вѣдунъ, какъ будто не видя въ томъ нужды, съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Поѣзжай туда и прихвати съ собою нѣсколькихъ зажиточныхъ и уважаемыхъ собратовъ, сказалъ король: — будьте при мнѣ, чтобы люди не сказали, что я забылъ васъ или пренебрегъ вашими интересами. Все равно, меня ужъ и такъ называютъ крестьянскимъ королемъ, такъ пусть же всѣ знаютъ, что я хочу быть имъ, какъ хочу быть дворянскимъ и всенароднымъ въ моемъ королевствѣ!.. А потому приказываю тебѣ пріѣхать въ Вислицу съ нѣсколькими лицами изъ твоихъ собратьевъ. А такъ какъ у васъ навѣрное не хватитъ корма для лошадей, да и подъ Вислицей всѣ луга будутъ обѣдены шляхетскими конями, то вотъ вамъ всѣмъ на дорогу.

Приэтомъ король засунулъ руку въ сумку и вынулъ изъ нея мѣшокъ съ золотомъ, который положилъ на столъ.

— Въ Вислицу-то я пріѣду, если буду живъ, — гордо отвѣтилъ крестьянинъ, — но не за ваши деньги, милостивый король: найдутся у насъ свои, хотя мы бѣдны, живемъ попросту, безъ всякихъ затѣй, по привычкѣ, съ измалолѣтства, и хотя на насъ не видно золота, но кое-что найдется про черный день въ горшкѣ подъ печью.

— Во всякомъ случаѣ — возьми: я отъ этого тоже не обѣдню, — разсмѣялся король. — Возьми для другихъ... пригодятся... По крайней мѣрѣ, ты можешь распорядиться смѣлѣе насчетъ выбора достойнѣйшихъ людей, такихъ же умныхъ, какъ и ты. А пока — оставайся съ Богомъ. Прощай!

Король всталъ и, едва прикоснувшись къ меду, пошелъ къ двери. Вѣдунъ, кланаясь, провожалъ его.

— Помни же, старикъ, — прибавилъ король, поворачиваясь къ нему, — на четвертой недѣлѣ поста будь тамъ. Я буду ждать и справляться о васъ.

Съ этими словами король вышелъ изъ хаты къ своимъ, которые распивали медъ изъ обросшаго мохомъ боченка. Увидѣвъ его, всѣ повытерли свои усы и бросились къ лошадямъ.

Король Казиміръ уже порядочно отъѣхалъ съ своей свитой отъ воротъ, между тѣмъ какъ старикъ все еще стоялъ призадумавшись, точно вкопанный въ землю.

Къ нему подошла старуха и хлопнула по плечу.

— Что съ тобою? — спросила она.

Вѣдунъ, не отвѣчая ей, вошелъ въ хату, взглянулъ на

столъ, на которомъ лежалъ мѣшокъ съ золотомъ, сѣлъ около него на лавку и, облокотившись, глубоко призадумался. Его жена, скрестивъ руки на груди, стояла передъ нимъ и качала головой.

Старый Лекса не могъ справиться съ своими мыслями и долго не отвѣчалъ на ея вопросы. Наконецъ, онъ всталъ, перекрестился, надвинулъ шапку на голову и вздохнулъ.

— Да будетъ Его Святая воля!—сказалъ онъ.—Брать—такъ брать... хоть въ Варшаву.

— Чего же тутъ еще думать при такой чести?—замѣтила старуха.

— Молчи ты, старуха, коли ничего не понимаешь!—воскликнулъ Бѣдунъ.—За такую честь, быть можетъ, придется своей шкурой расплачиваться. Я никогда не хвастался своими недостатками, чтобы люди не завидовали мнѣ, а тутъ ужъ приходится не ударить въ грязь лицомъ и не посрамиться!..

Онъ повздыхалъ еще немного, выпилъ медъ, оставшійся послѣ короля, перепоясался, взглянулъ на свои лапти и на солнце, а затѣмъ сказалъ женѣ:

— Къ ужину, быть можетъ, вернусь, а можетъ и не вернусь; но ты смотри, матка, чтобы мнѣ была миска горячей похлебки. Теперь мнѣ надо въ путь!..

Выбравъ лучшую лошадь въ конюшнѣ, старикъ, съ ловкостью и легкостью молодого человѣка, сѣлъ на нее и поскакалъ къ своимъ сосѣдямъ.

Послѣдніе однако далеко не были похожи на него: самые зажиточные изъ нихъ лѣзли въ шляхты и старались пріобрѣсти за деньги или услуги всякія отличія. Этимъ послѣднимъ нельзя было говорить о крестьянствѣ, хотя, въ сущности, они сами были крестьянами, выскочившими случайно въ шляхты, при помощи шести жесвидѣтелей, доказывавшихъ заслуги ихъ самихъ или ихъ предковъ.

Другіе сидѣли смирно и хотя считали себя благородными, но не подвергались рыцарямъ на глаза, да и съ крестьянами не хотѣли имѣть дѣла, считая себя выше ихъ. Третьихъ Лекса не хотѣлъ взять изъ-за ихъ простоты, неразвитости и неотесанности. Поэтому выборъ былъ чрезвычайно труденъ, между тѣмъ какъ онъ не хотѣлъ ограничиться двумя, тремя

человѣками, чтобъ не осрамить себя. Въ виду этого, Вѣдунъ вздыхалъ и чуть не сѣтовалъ за то, что король возложилъ на него такое тяжелое бремя, которое онъ не могъ ужъ сбросить съ своихъ плечъ. Старуха ждала его, дремая до поздняго вечера, но онъ не вернулся; ждала и на слѣдующій день къ обѣду, къ полднику и къ ужину и все его не было. Благодаря его долгому отсутствію, она ужъ начала не столько беспокоиться, сколько сердиться, и ходила жаловаться сыну; но это разумѣется нисколько не помогло. Наконецъ, на третій день, около полудня, она услышала его голосъ на дворѣ: онъ звалъ работника Ужа убрать лошадь. Она взглянула на него и по веселому лицу узнала, что все обстоитъ благополучно. Кромѣ того, онъ попросилъ ѣсть, а это было хорошимъ признакомъ. Вѣдунъ не привыкъ давать отчетъ своей женѣ, гдѣ былъ и что дѣлалъ; да Ворчунья и не спрашивала его, зная заранѣе, что если она будетъ молчать, то онъ самъ скорѣе удовлетворить ея любопытство.

На слѣдующій день начались сборы въ дорогу. Первыи разъ въ жизни Лекса оставлялъ хозяйство на рукахъ сына, а потому строго наказывалъ ему слѣдить за всѣмъ, такъ какъ не зналъ, когда вернется, а главное, — за своевременными посѣвами и запашкой полей. Въ виду его отъѣзда, все лучшее изъ одежды было вынуто изъ сундуковъ. Мало того, что онъ долженъ былъ явиться прилично одѣтымъ въ Вислицѣ, но и въ Краковѣ. Хотя онъ не любилъ нарядовъ, но на этотъ разъ хотѣлъ быть одѣтымъ согласно своему званію, не блестяще, но чисто и опрятно. Поэтому приходилось снарядить кованную телѣгу и подобрать къ ней лучшихъ лошадей. Хотя кметы обыкновенно могли ѣхать верхомъ, но телѣга нужна была для съѣстныхъ припасовъ, которыя необходимо было прихватить на долгое время. Тамъ, гдѣ бываетъ много людей, часто случается, что и за деньги нельзя получить съѣстного, а въ Вислицѣ предполагался большой съѣздъ, а потому эти запасы были не лишніе.

Время шло быстро. Кметы, считая Лексу главаремъ, каждый день пріѣзжали къ нему за различными совѣтами и справками относительно ихъ путешествія и назначенія для отъѣзда, который и былъ имъ назначенъ, по его усмотрѣнію. Наконецъ

всѣ были готовы, но двинулись не съ одного мѣста въ путь: всѣ намѣченные присоединялись уже по дорогѣ къ одному табору; Вѣдунъ попрощался съ женою и сыномъ, повторивъ ему свой наказъ: смотрѣть за хозяйствомъ. Группа кметовъ хотя и была безъ щитовъ и шлемовъ, но достаточно вооружена: у каждаго изъ нихъ были то обушки, то топорки, то дубинки, которыми можно было защищаться отъ разбойническихъ нападеній въ дорогѣ. Умный крестьянинъ сдѣлалъ хорошій подборъ товарищей, какъ по уму и достаткамъ, такъ и по силѣ: всѣ они были молодецъ въ молодца, рослые, красивые, сильные и здоровые. Одни изъ нихъ отличались своею молодостью, другіе—почтенностью лѣтъ, сѣдиною и длинными бородами. Всѣ чувствовали, что они ѣдутъ не для самихъ себя, а для всего крестьянства, котораго они являлись представителями.

На большихъ дорогахъ, шедшихъ параллельно съ Нидой, было довольнолюдно. По нимъ тянулись дворяне съ своими дворами, шла епископская челядь, свиты воеводъ; ѣхали значительнѣйшіе рыцари и другіе. Въ этотъ вѣкъ почти каждаго можно было узнать по одеждѣ и вооруженію. Напримѣръ, синоды предписывали духовенству, какъ оно должно было одѣваться дома, въ церкви и въ дорогу. Мѣщане не имѣли права надѣвать шелки и драгоценности, хотя бы и имѣли состояніе; рыцари и вельможи отличались своимъ вооруженіемъ; виконты и бароны—своими дворами. Словомъ, всѣ отличались чѣмъ-либо, а, слѣдовательно, и кметы, которыхъ ужъ совсѣмъ легко было узнать, что это за люди. Встрѣчавшіе ихъ крайне удивлялись, по какому поводу и зачѣмъ они ѣхали въ Вислицу. Никто даже не вѣрилъ, чтобы они осмѣлились явиться туда. Времена вѣче, на которыхъ съѣзжались старшины отъ разныхъ званій и состояній, давно уже миновали и были забыты. По мѣрѣ того, какъ плодились всякіе рыцари и вельможи, кметы теряли свое значеніе, какъ вольные крестьяне, и за ними не признавалось никакихъ правъ, кромѣ несенія разныхъ податей и повинностей. Благодаря этому, путешествіе значительной толпы крестьянъ, наравнѣ съ лицами различныхъ благородныхъ званій, чрезвычайно удивляло всѣхъ, въ особенности дворянъ-землевладѣльцевъ. Ихъ затрогивали и спрашивали; но осто-

рожный Вѣдунъ заранѣе предупредилъ своихъ, чтобы они не вступали ни въ какіе разговоры и избѣгали дворянъ; и это предупрежденіе строго исполнялось, придерживаясь порядка во всѣхъ касавшихся крестьянъ отношеніяхъ. Во избѣжаніе всякихъ разспросовъ, Вѣдунъ даже избѣгалъ большой дороги и велъ свой отрядъ проселочнымъ путемъ. Такимъ образомъ, они выѣхали на болотистую равнину надъ Нидой, откуда увидѣли каменные стѣны замка, новую церковь, построенную королемъ Казиміромъ, каменные стѣны города, его башни и ворота на холмѣ, находящемся въ устьѣ рѣки. Но по мѣрѣ того, какъ они приближались къ городу, у котораго ужъ замѣтна была прибыль народа, они легко могли опредѣлить, что они не найдутъ себѣ мѣста не только въ самой Вислицѣ, но даже въ предмѣстьяхъ, Гориславѣ и Кухарахъ. Вездѣ ужъ было полно, и народъ роился, точно пчелы въ ульѣ.

Надъ замкомъ развѣвался королевскій флагъ. Возы со всякою живностью пановъ, епископовъ, рыцарей и другихъ сопровождались челядью, которая опережала другъ друга, спѣша занять лучшія мѣста—на лугу или въѣхать въ городъ, вслѣдствіе чего происходили ссоры и люди хватались за оружіе. Въ виду этого, кметы должны были держаться въ сторонѣ и отыскивать себѣ спокойное мѣстечко. Всѣ сухія мѣста были ужъ заняты, палатки разбиты и костры зажжены. Вездѣ стояли возы съ привязанными къ нимъ или еще запряженными лошадьми, и почти ужъ нигдѣ не было свободного мѣста.

Весна была ранняя и трава еще едва начинала показываться изъ земли, поэтому о подножномъ кормѣ нельзя было и думать. Но крестьяне и не думали о немъ, такъ какъ надо было, прежде всего, позаботиться о самихъ себѣ. Втиснуться между дворянами было и небезопасно и неудобно, а потому они остановились въ сторонкѣ отъ дороги передъ краковскими воротами, и Вѣдунъ пошелъ на угадъ добыть проводника. Однако это было не легко: ему пришлось долго блуждать безъ всякой пользы. По дорогѣ, ведущей отъ Латаничъ и Кабыльниковъ въ Красное Ходче, было много народа, и гдѣ только онъ ни показывался, всѣ смотрѣли на него съ подозрѣніемъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ. Наконецъ Вѣдунъ увидалъ въ концѣ Гориславickaго предмѣстья хату, не очень бѣдную и не очень бога-

тую, въ которую рѣшился зайти. Она показалась ему крестьянской, а такихъ полумѣщанскихъ, полукрестьянскихъ избъ было около мѣстечка достаточное количество. А вѣдь, по слову вицѣ, куликъ кулика видитъ издалика. Вѣдунъ слѣзъ съ коня и хотѣлъ ужъ войти въ хату, но вдругъ замѣтилъ, что ее ужъ заняла челядь какого-то рыцаря или дворянина. Оказалось, что это были люди Неорзы, которые расположились тамъ, какъ у себя дома. Одинъ изъ нихъ узналъ его и заговорилъ:

— А! Вѣдунъ! — воскликнулъ онъ съ насмѣшкой. — Ты тоже пріѣхалъ въ Вислицу вмѣстѣ съ дворянами въ гости къ королю?

Вѣдунъ осмотрѣлся, но не видѣлъ Неорзы. Хотя король не любилъ его, но онъ остановился въ Сандомірскомъ.

Старикъ не хотѣлъ отвѣчать, но его возмутила насмѣшка спросившаго, и онъ равнодушно возразилъ:

— Какъ видишь! мы тоже въ гости!

И, не желая распространяться, онъ вышелъ изъ хаты. За нимъ вышелъ и хозяинъ-кметъ, порядочный человекъ; желая узнать, что ему надо, онъ началъ спрашивать Вѣдуна.

Однако и ему онъ не сразу признался, кто онъ и что ему надо. Тѣмъ не менѣе, перекинувшись нѣсколькими словами, старикъ равнодушно отвѣтилъ:

— Король приказалъ намъ присутствовать здѣсь, чтобы знать, о чемъ будутъ говорить и что объявлять. Насъ здѣсь порядочная толпа, а пріютиться негдѣ. Посоветуйте, гдѣ бы пристроиться.

Но совѣтовать было трудно. Болотистая мѣстность, уменьшившаяся еще вслѣдствіе весенняго половодья, была вся занята съѣхавшимся народомъ. Король гостилъ въ замкѣ у архіепископа Ярослава Богорья вмѣстѣ съ Янгротомъ Краковскимъ, занимая небольшія комнаты. Войцѣхъ Палука, епископъ познанскій, и Матвѣй Влоцлавскій помѣстились въ церковномъ домѣ. Только двое или трое изъ воеводъ и кастеляновъ, ближе стоявшихъ къ королю, нашли себѣ мѣсто въ замкѣ, а остальные, по двое, стояли у мѣщанъ. Даже городскія ворота, а именно: краковскія, бугскія и замковыя были заняты народомъ; всѣ другіе должны были расположиться на улицахъ и рыночныхъ площадяхъ, по ярмарочному, обозами.

Такимъ образомъ, для кметовъ не оказалось свободнаго угла, и они вынуждены были искать себѣ пріюта у Бжезина, далеко отъ замка. Здѣсь они упросили крестьянъ позволить имъ переночевать и рѣшили завтра же утромъ пойти на замковый дворъ, гдѣ въ этотъ день, какъ они узнали, должны были объявить послѣ архіепископскаго богослуженія въ большой церкви, новые законы.

А пока что, они могли прислушаться, что о нихъ говорили въ толпѣ и отдѣльныхъ группахъ. Не считая того, что говорилъ простой народъ, ни дворяне, ни духовенство нисколько не радовались тому, что имъ сбывалось какіе-то королевскія нововведенія.

— Онъ знаетъ, что дѣлаетъ!— говорили одни.— Навѣрное онъ не убавитъ своей власти, а отниметъ ее у другихъ. Вѣроятно, рыцарская свобода будетъ отмѣнена и все сдѣлается такъ, какъ это сдѣлано на Руси, гдѣ землевладѣльцы не имѣютъ никакого голоса, а только одни князья. Это ему понравилось, когда онъ завоевалъ Русь.

Духовныя лица, слышавшія больше о новыхъ законахъ, находили ихъ варварскими и непримѣнными, считая нѣмецкіе или римскіе болѣе цѣлесообразными для введенія въ Польшу.

Въ ихъ разговорѣ проявлялась ненависть и недовѣріе къ ксендзу Суховильку; но архіепископъ былъ на сторонѣ короля, а вѣдь онъ былъ здѣсь верховнымъ пастыремъ.

Разумѣется, не обошлось безъ сѣтованій и на него, хотя и втихомолку. Отецъ Суховилькъ былъ племянникомъ его; всѣ знали, что онъ снисходителенъ къ королю, что онъ смотритъ сквозь пальцы на его поступки и что, въ свое время, онъ далъ ему изъ гнѣзненской сокровищницы нѣсколько тысячъ гривенъ, заключавшихся въ цѣнныхъ крестахъ и драгоценной утвари, за что послѣ этого ему назначенъ былъ годовой доходъ съ Величгинскихъ коней. Словомъ, онъ мѣнялся церковнымъ добромъ ради своего достоинства.

Малополяне, великополяне, куявяне, а отчасти и мазуры боялись, чтобы не потерять части своихъ землевладѣній. Наконецъ, всѣмъ извѣстная благосклонность короля къ крестьянамъ возбуждала опасенія, чтобы ихъ права не ослабили правъ дворянъ - землевладѣльцевъ. Словомъ, происходило броженіе

умовъ; тѣмъ не менѣе королевская власть, хотя и неограниченная никакимъ правомъ, была признаваема и уважаема всѣми народами, и король, какъ верховный судья, могъ каждого наглеца повѣсить за ослушаніе. Поэтому никто не осмѣливался ему возражать открыто и каждый ропталъ только исподтишка. Приближенные короля были научены тому, какъ имъ слѣдовало всѣмъ говорить, и поэтому каждый объяснялъ, что новые законы установить справедливость и устранять всякія насилія и злоупотребленія и что наконецъ полякамъ должно быть совѣстно не имѣть своихъ статутовъ въ Польшѣ, когда таковыя имѣются во всѣхъ другихъ государствахъ.

На слѣдующій день, какъ было назначено, съ утра зазвонили въ церковные колокола, сзывавшіе народъ на молебствіе; а такъ какъ въ костелѣ не могли всѣ помѣститься, то многіе вынуждены были стоять на паперти и вокругъ нея.

Послѣ обѣдни, отслуженной самимъ архіепископомъ, король, въ сопровожденіи послѣдняго и двора, двинулся на замковый дворъ, на которомъ были устроены мѣста для обоихъ. Этотъ день не особенно благопріятствовалъ торжеству: дулъ холодный вѣтеръ и небо было закрыто тучами. Но ни король Казиміръ, шедшій съ лицомъ триумфатора, ни архіепископъ, ни другіе сановники не обращали на то вниманія. Вокругъ короля стали всѣ старшины, дворъ котораго въ этотъ день былъ разодѣтъ поистинѣ съ королевскою пышностью, во всемъ блескѣ своихъ вооруженій, расшитыхъ золотомъ и отороченныхъ дорогими мѣхами одеждъ.

Самъ король былъ одѣтъ въ черный костюмъ, съ золотою цѣпью на шеѣ, въ великолѣпномъ рыцарскомъ поясѣ и въ красной порфирѣ, подбитой соболями. Одна часть двора была одѣта въ нурпурные кафтаны съ польскими орлами на груди, а другая—въ золоченые латы и шишаки, на которыхъ видѣлись изображенія топоровъ, соколовъ, мѣсяцевъ и проч.

Хотя толпа молчала, когда король началъ говорить, но вѣтеръ и шумъ, доносившіеся издали заглушали его слова. Всѣ только видѣли, какъ отецъ Суховильскъ преподнесъ ему пергаментные листы, скрѣпленные шнуркомъ и печатью; какъ архіепископъ благословилъ ихъ и какъ король говорилъ; какъ лицо короля покраснѣло и глаза смѣялись, какъ будто онъ

достигъ величайшаго счастья и блага: оно говорило народу, что свершилось великое, безсмертное дѣло. Когда все это свершалось, Вѣдунъ съ своими товарищами, едва попавъ какимъ-то чудомъ въ замокъ, очутился, за неимѣніемъ другого мѣста, высоко на брустверахъ стѣны, и хотя тамъ тоже было тѣсно и неудобно, но онъ былъ очень радъ, что король, замѣтивъ его, улыбнулся. Вслѣдъ за этой улыбкой глаза всѣхъ обратились въ ту сторону и увидѣли кметовъ, о которыхъ уже Неорза узналъ ранѣе, рассказывалъ всѣмъ и сердился, что они осмѣлились прибыть сюда, вмѣстѣ съ дворянами. Въ этотъ день все кончилось благополучно, потому что до обнародованія законовъ было посвящено нѣсколько засѣданій для обсуждения ихъ, вмѣстѣ съ дворянствомъ и рыцарями, и вопросъ ужъ былъ рѣшенъ. Послѣ этого были разставлены столы и многіе начали расходиться. Вѣдунъ не зналъ, что дѣлать, но въ это время къ нему подошелъ одинъ изъ королевскихъ придворныхъ, бывавшій у него вмѣстѣ съ королемъ на Прондникѣ, и сказалъ ему:

— Король приказалъ мнѣ угостить васъ, а потому прошу пожаловать въ сѣни, гдѣ для васъ приготовленъ отдѣльный столъ.

Крестьяне колебались, боясь возбудить зависть, но должны были послушаться. Гославъ Кройцъ повелъ ихъ въ замокъ, но еще издали замѣтилъ, что какіе-то дворяне самовольно заняли ихъ столъ. Кметы хотѣли уйти, но Гославъ не позволилъ и велѣлъ слугамъ тотчасъ прикатить бочки, положить на нихъ двери и подавать миски, кувшины и кубки.

Паны, увидѣвъ подлѣ себя мужичковъ, начали кричать и шумѣть на такое ихъ нахальство; но на это не обратили вниманія; однако, начатый у этого стола шумъ перешелъ и на другіе: дворяне не хотѣли ихъ терпѣть и началась грозная буря...

Вѣдунъ кивнулъ своимъ, чтобъ они молчали, и, едва отвѣдавъ королевскихъ хлѣба-соли и омочивъ губы въ медъ и пиво, незамѣтно удалились въ боковую калитку замка, которую имъ указалъ Гославъ. Но исчезновеніе ихъ не успокоило волненія среди рыцарей: всѣ видѣли, что кметовъ было много и вдругъ ихъ не стало, въ виду чего заговорили о томъ, что они при-

ходили съ жалобой къ королю, и возмущеніе увеличилось. Дворяне грозили, что тѣхъ, кого они догонять и о которыхъ узнаютъ, ни за что ихъ не простятъ. Правда, между ними распространились слухи, что они были приглашены самимъ королемъ, но никто этому не хотѣлъ вѣрить. Всѣ кметы, во главѣ съ Вѣдуномъ, вернулись, никѣмъ не тронутые, въ Бжезье, гдѣ они посовѣтовались, что имъ дѣлать. Они исполнили свою обязанность, являсь въ Вислицу, и имъ здѣсь больше нечего было дѣлать. Одни изъ нихъ рвались домой, а другіе совѣтовали пойти всей толпой къ королю и поблагодарить его. Мнѣнія раздѣлились: Вѣдунъ рѣшилъ отдохнуть и подождать.

— Какъ ждать! — возразилъ старикъ, называвшійся Строкой, — пожалуй, дождемся того, что рыцари побьютъ насъ.. Намъ ужъ нечего дѣлать и вѣтъ надобности ѣхать всѣмъ вмѣстѣ толпою... Пусть каждый возвращается домой своимъ умомъ и дорогой.

Однако, раннимъ утромъ къ нимъ явился королевскій коморникъ и велѣлъ имъ отправиться въ замокъ. Въ этотъ день ужъ по дорогѣ сдѣлалось меньше народу, и хотя они встрѣчали толпы ѣдущихъ и идущихъ, которые смѣялись надъ ними и затрогивали, но доступъ въ городъ былъ ужъ совсѣмъ свободный.

Имъ приказали остановиться въ сѣняхъ. Король вышелъ къ нимъ съ нѣсколькими сановниками съ улыбкой на лицѣ и кивнулъ головой Вѣдуну.

— Я желалъ, — отозвался онъ, — чтобы и вы были тамъ, гдѣ, во имя Господне, былъ объявленъ новый, или, точнѣе, старый, отцовъ нашихъ законъ, который, какъ васъ, такъ и всѣхъ другихъ будетъ одинаково защищать отъ всѣхъ обидъ и напраслины и чинить надъ всѣми судъ и расправу „по писанному“... Поэтому возвращайтесь теперь съ Богомъ домой къ своимъ занятіямъ и объявите всему вашему народу, что отнынѣ его будутъ судить не судьи, а одинъ Законъ для всѣхъ.

Крестыяне поклонились, а король, смотря на нихъ, милостиво улыбнулся и обратился къ окружавшимъ его:

— Это тѣ, которые кормятъ насъ, и ихъ намъ слѣдуетъ защищать и оказывать всякое покровительство. Идите съ Богомъ! — прибавилъ онъ мужичкамъ.

Присутствовавшій здѣсь капеланъ благословилъ ихъ и кметы ушли, облаканные и обрадованные, что, наконецъ, все кончилось.

Теперь ужъ ихъ нельзя было удержать. Каждый спѣшилъ запречь въ телѣгу свою лошадь или сѣсть на коня и скорѣе убраться изъ Вислицы. Хотя они ничего не говорили, но всѣ боялись угрозъ дворянъ, и поэтому Вѣдунъ не успѣлъ еще оглянуться и поговорить, какъ ужъ остался одинъ.

Но это нисколько не беспокоило его, потому что при немъ былъ работникъ Ужъ съ телѣгой и добрый конь подъ нимъ: онъ не боялся, отдохнуль и только послѣ полудня двинулся въ путь. На дорогѣ было немногочисленно, потому что еще многіе остались въ Вислицѣ, и Лекса Вѣдунъ ѣхалъ призадумавшись, припоминая все то, что съ нимъ случилось, что онъ видѣлъ и слышалъ.

Несмотря на обѣщанія и великія надежды на новые законы, онъ былъ увѣренъ, что съ ними будетъ то же самое, что и безъ нихъ: ничего не измѣнится. Разумѣется, онъ не сомнѣвался, что добрый король желалъ всего хорошаго, но не вѣрилъ въ его королевскую силу и могущество.

— Дворяне-землевладѣльцы сдѣлають, что захотятъ, и все пойдетъ по старому!—пробурчалъ онъ про себя.

Въ этотъ день онъ не много пробѣжалъ и, встрѣтивъ по дорогѣ корчму, остановился на ночлегъ.

Между тѣмъ въ Прондникѣ старая Ворчунья и Тюра, хлопча около хозяйства, считали дни и часы, ожидая возвращенія старика. Баба отлично все рассчитала: она знала, что онъ въ одну недѣлю будетъ въ Вислицѣ, пробудетъ тамъ день или два и вернется, въ виду приближающихся праздниковъ Св. Пасхи, домой. Однако она ошиблась въ своихъ расчетахъ: Вѣдунъ не возвращался. Вернувшійся одинъ изъ сосѣдей сказалъ, что онъ долженъ сейчасъ пріѣхать, но его все не было, хотя всѣ другіе уже были дома.

Однажды ночью, безпокоившаяся старуха, не имѣя возможности заснуть, услышала скрипящій возъ, который какъ будто остановился у воротъ. Она быстро одѣлась и вышла. Дѣйствительно, въ ночномъ мракѣ она увидѣла у воротъ лошадей и телѣгу. На ея зовъ кто-то отвѣтилъ слабымъ голосомъ, по

которому она узнала Ужа... Она вышла за ворота: да, это былъ онъ, молчаливый, испуганный и одинъ.

Лошадь Вѣдуна была привязана къ телѣгѣ. Отъ работника вначалѣ ничего нельзя было узнать, потому что онъ плакалъ и только указывалъ на покрытый возъ, на которомъ лежалъ трупъ старика съ изрубленной головой. По словамъ работника, они встрѣтились на дорогѣ съ Неорзой, который былъ пьянъ и разсерженъ. Питая гнѣвъ на короля и на кмета, онъ началъ оскорблять его и, наконецъ, убилъ. Такъ онъ мстилъ королю за своихъ лошадей, удаленныхъ изъ Велички отъ соляныхъ копей.

— Заплачу за голову этого хама! — кричалъ онъ, пряча окровавленный мечъ, — потому что онъ коломъ стоялъ мнѣ въ горлѣ!..

Конецъ первой части.